

Купе потеряшек

Крепостной московского боярина Семёна Мелентьева, житель деревни Сколково, церковный староста Фёдор Жук был роста невысокого, но крепкий, полноватый, руки непропорционально длинные и сильные — коcherу узлом завязать мог! Трое детей от второй жены (двое от первой вместе с женой померли от холеры). Он шёл с вязанкой дров за спиной и топором за поясом из леса, в потёртом тулупчике и треухе, то и дело оскальзываясь в вязкой глинистой земле, когда всё в глазах потемнело и закурилось.

...Очнулся на каком-то дурно пахнущем полу в тёмной холодной повозке с большими окнами, за которыми — ночь. Опёрся на трясущийся и гудящий пол — железный: «Ну, попал! Видать, поляки...»

Фёдор сел, истово обмахнул себя крестным знаменем и пошарил вокруг руками: дрова рядом и топор с другой стороны. Странно: уж коль схватили, то

на кой топор оставлять пленнику?! И что за кибитка такая, куда везут?! Мужик почесал включенную бороду, стриженный «под горшок» затылок и тут вспомнил о треухе — его не было. Ещё раз пошарил вокруг — нет как нет!

...За стеной повозки послышались шаги, и в спину толкнули.

Фёдор резво перекатился на четвереньки и, схватив вспотевшей рукой топор, упёрся спиной в противоположную стенку. Открылась дверь, его обдало белым мертвенным светом, и в проёме появилась девочка-подросток с косичкой, нитками от ушей и вроде бы... голая.

Пару секунд лохматый мужик и девчонка тарачились друг на друга, а затем «голая» взвизгнула и захлопнула дверь в тамбур.

— Мама, я в соседний вагон в «мэжо» не пойду, там, прикинь, бомж с топором! — заорала в смартфон девчонка в легинсах и красной «лапше».

Однако любопытство вскоре пересилило страх, и она вновь заглянула в щель двери:

— Прикинь, маньяк, наверное! Какое селфи?! Он меня в капусту порубит — зови проводника!

«Ну, попал!» — мужик взмок от волнения и трижды быстро перекрестился. Сжал в руке топор и привычно, автоматически провёл заскорузлым пальцем по лезвию — немного в зазубринах после рубки, но ничего: и против поляков, и против бесов сгодится!

За дверью кибитки снова слышался шум, удивлённые и вопросительные возгласы. Потом она слегка приоткрылась, и в проёме на разных уровнях появились голова молодого мужчины, коротко стриженная и без бороды; ниже — голова молодой бабы; и совсем внизу — лицо той самой девчонки с вытаращенными глазами и открытым ртом.

Несколько секунд Фёдор и «бесы» молча рассматривали друг друга, пытаясь найти адекватное объяснение сложившейся реальности. Затем молодой бритый мужик в дверном проёме сдавленным голосом прохрипел:

— Ты кто?!

«Бес» говорил по-русски, однако это не успокаивало: в Четьях-Минях о нечистых и не такие чудеса описаны! Потому Фёдор перво-наперво истово перекрестил трёхглавый дверной проём. Дым от голов не пошёл, но крестное знамение вызвало у «бесов» некоторое оживление.

— Монах от своих отбился! — предположила бабья головка.

— Какой монах, мама?! Он же с топором! Тоталитарная секта! «Аум Синрикё!» — взвизгнула девочка.

— Вы, это... Того... Не безобразничайте здесь! И топор оставьте... Молиться тоже у себя в монастыре будете... И вообще, как вы попали в мой вагон?! Вы в какой садились в Москве? — с нарастающей смелостью забормотал проводник.

— Москва... — повторил мужик, как бы пробуя на вкус привычное слово. Оно несколько ободрило его: «Может, и не бесы?!»

Фёдор прокашлялся и пересохшим от волнения горлом сипло спросил:

— Я на каком свете?

— На белом, господин монах! На белом! Выходите уже из тамбура, не выстужайте вагон! — совсем осмелел проводник, шире открывая дверь и одновременно пытаясь затолкать обратно в освещённый коридор любопытных пассажиров.

Тем временем Фёдор ещё раз перекрестился и, хватаясь за выступы на железных стенах, начал подниматься.

— Осторожно, дубина, за стоп-кран не берись! — закричал проводник и, забыв про топор в руках «монаха», ринулся к нему.

Фёдор не понял, чего не надо трогать, но стало ясно, что хватает его за руки не бес, а человек, который опасается, что он

что-то в его повозке сломать может. Потому мужик уже не сопротивлялся, когда проводник вытолкал его в коридор вагона. Правда, топора не бросил. Обе пассажирки предусмотрительно отскочили подальше, однако в своё купе не спрятались — такое шоу!

— А дрова как же? — вдруг вспомнил о вязанке мужик.

— Дрова?! — вытаращился на него молодой проводник. — У тебя ещё и дрова?! Ты что — лесоруб?

— Тык я с дровами из лесу шёл, у меня там с начала осени пару брёвен напилено и сложено чурбаками. Вот наколол и нёс... — пояснил Фёдор.

Проводник снова открыл дверь и, увидев вязанку у окна, крикнул и заключил:

— В вагоне её всё равно девать некуда, пусть в тамбуре полежит!

— А не сопрут? — деловито поинтересовался мужик.

Проводник сокрушённо помотал головой:

— Да кому они нужны, дрова твои?!

Напряжение в коридоре ночного экспресса явно спадало: все немногочисленные пассажиры «Красной стрелы» мирно спали, предоставляя разбираться в странной ситуации молодой женщине с дочкой и проводнику Николаю. Последний уже начал было подумывать о том, куда пристроить странного пассажира и стоит ли в этой связи будить бригадира поезда, как вдруг двери

тамбуров с обоих концов вагона одновременно резко открылись. Из одного вылез грязный и мокрый от дождя солдат в ватнике и шапке, с автоматом ППШ в руке; с другого же — красноармеец в будёновке, расстёгнутой шинели и с шашкой наголо.

«Господи! И какой урод сказал, что проводник — работа не опасная?!» — мелькнуло в голове у молодого человека, прижавшегося мгновенно вспотевшей спиной к двери служебного купе.

Мать с дочкой при виде двух вооружённых и явно неадекватно настроенных мужиков взвизгнули и бросились к проводнику и Фёдору. Последний, толком не поняв, кто вновь возникшие (поляки или бесы?), тем не менее почувствовал за них ответственность (хотя бы говорят по-русски!), потому он загородил собой всех троих и угрожающе поднял топор. Оба новых «беса» остановились и уставились на странную группу. Было заметно, что они и правда как бы не в себе: глаза блуждают, оружие стиснуто в руках, аж костяшки побелели. У Фёдора, изготовившегося к бою, особое опасение вызвал тот, что в острой войлочной шапке со звездой на лбу: у него в руках была привычная сабля! Второй, что вошёл с другого края, был с какой-то узловатой колотушкой: ну дубинка и дубинка, не больно страшно!

Немая сцена длилась недолго. Тот, что в ватнике, поведив «колотушкой» по сторонам, выдал:

— Вы кто — немцы?!

— Какие немцы? — пискнул проводник Николай. — Двое каких-то интуристов в соседний вагон в Москве садились — вы их ищете?

— Интуристов? — переспросил «ватник». — Это кто ещё? А почему в Москве? Немцы в Москве?!

— Да там кого только нет! — осмелев, вступила в разговор женщина. — Содом и Гоморра!

Фёдор, услышав привычные библейские топонимы, сразу соотнёс их со своим временем:

— Точно, мать, щас в Москве и поляки, и шведы — воистину Содом и Гоморра!

— А они тоже против нас воюют?! Швеция — нейтральная страна! Твою ж дивизию, когда они-то в войну вступили?! И что, Москву взяли?! Не может быть! Когда?! Наша дивизия аж под Смоленск вышла. Как немцы со шведами к Москве прорвались?! — выпалил недоумевающе-расстроенный солдат.

— А как же Первая конная товарища Будённого? — вмешался в разговор красноармеец с шашкой. — Как он мог немцев в сердце России пропустить? А беляки где?

Такого шоу Вика ни по одной программе не видела: круто замешались все времена и эпохи, и непонятно, в чём главная фишка! Тем более что события, похоже, пошли по второму кругу: теперь уже не один, а трое мужиков пытались понять, где они

и что с ними. При этом и для проводника Николая, и для девочки с матерью ситуация тоже нисколько не прояснилась. Одно было ясно: убивать друг друга вроде уже никто не собирается. Но и что делать, никто не знает.

Неожиданное решение предложила женщина:

— Давайте-ка к нам в купе. Там только мы с Викой! Чего в коридоре толпиться?

Мужчины, включая проводника, молча подчинились. Рассевшись на нижних полках, бдительности тем не менее не теряли, продолжая насторожённо тарашиться друг на друга. Вика быстро нырнула на второй ярус, откуда было удобно вести наблюдение за «офигенным шоу», рассылая со смартфона в ночь эсэмэски одноклассникам. Покрутившись в тесноте, на вторую верхнюю полку залез и Фёдор; его лохматая, немалого размера борода красовалась на фоне окна с редкими мелькающими огнями. Топор он забрал с собой и, улёгшись, первым делом заботливо устроил его, подсунув под бок.

— Давайте знакомиться, что ли! — взяла на себя инициативу хозяйка купе. — Меня Ольга зовут, я журналист «Невского времени» в Питере. Это моя дочь Вика, восьмиклассница.

— Салют честной компании! — отозвалась та сверху.

— Ну а вы все кто?

Все почему-то дружно уставились на Фёдора: уж слишком он от них отличался. Тот пару

секунд собирался с мыслями (стоит ли о себе рассказывать?), но всё же решился:

— Из мелентьевских я буду... Фёдор... Прозывают Жуком. Крестьянствуем в деревеньке Сколково. До прихода поляков да казаков с Дона справное хозяйство имел! Пару же лет последних всё пошло прахом. А при Годунове, Бориске-царе, последней живности, двух коров да пары лошадей лишился. Да... всё по грехам нашим!

— Чего-о-о? — уставился на Фёдора проводник Николай. — Какой Бориска-царь?! Ты что, «Иван Васильевич меняет профессию» посмотрелся? Чего тут втираешь?

Фёдор беспомощно заморгал. Ольга профессионально вмешалась в ситуацию:

— Пусть пока каждый скажет о себе, что хочет! Потом разбираться будем!

— Тимофей Полухин. Боец Второй конной армии под командованием товарища Миронова, — красноармеец так и сидел в будёновке, положив шашку в ножнах на колени. За поясом в распахнутой шинели виднелась «бутылка» ручной гранаты. — Час назад ещё был под Орлом, со своим эскадром, на привале у речки... Командир эскадрона — товарищ Цимбалюк...

— Оф-фигеть! — прокомментировала с верхней полки Вика. — Ты, может, и Ленина со Сталиным видел?

Парень посмотрел на девочку и серьёзно ответил:

— Ленина — нет, не довелось. А товарищ Троцкий Лев Давыдович вчера у нас выступал в полку! А этот Сталин — кто такой?

— У-у-у! Уж лучше тебе не знать, Тимофей! — ответила Вика.

— Это почему? — искренне заинтересовался солдат с ПППШ.

В тёплом купе он снял ватник, подоткнул под спину и держал автомат прикладом на полу, зажав ногами. На полинялой и штопаной гимнастёрке были пришиты сержантские погоны.

Мать не дала развить мысль открывшей было рот дочери, обратившись к сержанту:

— Ты лучше себя назови...

— Сержант 235-й стрелковой дивизии Алексей Красовский, — отрапортовал мужчина. — Со своим отделением по болоту обошёл немецкий фланг у деревни Черемиска, мы должны были вдарить по боковой немецкой траншее, пулемётную точку уже было видно с тыла. И на вот — закружило, потемнело... Может, контузия? Куда меня занесло?! Это ведь прямо из боя! — неожиданно он замолк и уставился невидящим взглядом в стенку купе. — Твою ж дивизию, я ж теперь дезертир...

— Это какого числа было? — тихо поинтересовалась Ольга.

— Двенадцатого октября.

— Какого года?

— Ясно какого — сорок второго.

— Сейчас две тысячи двадцать первый... — выдавила из себя севшим голосом Ольга. — Но как раз двенадцатое октября.

В купе повисло молчание. Люди пытались осознать временное несоответствие жизни и нынешнего своего состояния.

Первым очнулся проводник Николай.

— Может, чайку? — несмело предложил он, хватаясь за привычное для себя дело.

Услышав про чай, все завозились, закричали, выражая согласие и радуясь внезапно найденному психологическому тайм-ауту.

Николай засуетился, открывая дверь купе, и окликнул Вику:

— Пойдём. Поможешь. Нести много!

В служебном закутке, гремя традиционными стаканами с подстаканниками, выкладывая пакетики с заваркой и сахар, он с тоской посмотрел в тёмное окно и безнадёжно произнёс:

— Приеду — и сразу в дурку. Начальство меня такого держать не будет.

— Да брось, обойдётся! — пыталась успокоить его cedящая из титана кипяток Вика. — Что ж, мы все, что ли, крезанулись? Я так думаю, это какой-то фильм снимают, а артисты перепились и мотаются по вагонам!

Николаю мысль понравилась, он оживился, глаза заблестели надеждой.

— Скорее всего! В Питер приедем, режиссёр всю эту публику

соберёт на вокзале! Ну, я уж с них, паразитов, за проезд слуплю!

На обратном пути до купе Вика жглась горячими стаканами и чуть не уронила один, когда его из-за спины подхватил какой-то мужчина.

— Давай помогу!

Его старенькие грязные кеды, брезентовые джинсы, болоньевая ветровка и обильная шевелюра, закрывающая лоб до бровей, навели девочку на интересную мысль.

— Ты тоже потеряшка? — тихо и сочувственно спросила она.

— Чего?

— Ты из какого года, чувак?

Молодой человек поёжился, едва не уронив стакан, подозрительно посмотрел на Вику и бросил коротко:

— Из нашего с тобой, конечно, — восемьдесят шестого!

— У-у-у... Как всё запущено! Нашего! Меня в восемьдесят шестом в проекте ещё не было!

Мужчина растерянно захлопал глазами и начал затравленно озираться.

— Не нервничай, пойдём со мной в наш дурдом, — успокоительным тоном произнесла девочка. — Пошли... Там чай ждут...

Открыв дверь в изрядно провонявшее потом, порохом и мокрой овчиной купе, Вика протянула в подставленные руки стаканы и сообщила:

— Нашего полку прибыло!

Вновь прибывший с опаской и со всё возрастающим интересом

начал осматривать странных людей, из которых кто-то уже начал с жадностью прихлёбывать чай. Особенно его насторожили трое: два служивых в разного года выпуска гимнастёрках (причём один с пашкой и гранатой за поясом, а второй — с тускло отсвечивающим стволом автомата ППШ между ног; «Явно не игрушечный!» — мелькнуло в голове) да что-то бормочущий на старославянском и крестящийся поминутно то стакан, то вагонное окошко лохматый, дурно пахнущий мужик в тулупе на верхней полке. Остальные — проводник и молодая женщина с девочкой-подростком — выглядели на их фоне вполне нормально и привычно.

«Киношники, видать...» — попытался успокоить сам себя парень. Однако тут же был вынужден отказаться от этой мысли, услышав вопрос мужика с автоматом.

— Ты снаружи давно был? Немцев не видать? — вполне серьёзно спросил тот, ухватив стакан обеими руками и дуя на чай.

Потеряшка ответить не успел, так как вмешалась женщина.

— Чай хочешь? А то на тебя ведь не рассчитывали, — протянула она ему свой стакан. — Кстати, Коля, — перевела она взгляд на проводника, — там, в коридоре, никто больше не появлялся?

— Этого Вика нашла, не я, — пожал плечами тот, — у неё и спросите.

— Нет, мам, пока пусто! Наверное, в приёмном покое нашего «крезушника» перерыв, — ответила дочь.

— Как звать-то вас? — вновь обернувшись к последнему потеряшке, спросила Ольга.

Мужчина пару секунд думал, на чей вопрос сначала отвечать, и решил, что лучше сразу на оба:

— Немцев мы в сорок пятом разбили, так что отдыхай, командир! А звать меня Антон Круглов — бывший студент, бывший кочегар в рабочем общежитии в Омске, бывший матрос каботажного флота в Астрахани, бывший муж, нынешний лабух в Печатниках и... беспутный сын своих родителей!

— Богатая у тебя биография, парень, — хмыкнул сержант, — в сорок пятом, говоришь, немцев разбили?

— Ну да! Берлин взяли, капитуляция в Потсдаме, встреча на Эльбе с америкосами, «Нормандия — Неман», Гитлер отравился цианистым калием в имперской канцелярии... в общем, много чего случилось в сорок пятом!

— Ни х-х-хрена себе, Гитлер-паскуда отравился! А не мог раньше?! — выпалил почти что на одном дыхании сержант. — Чего же до сорок пятого тянул?!

— Гитлер — это кто? — поинтересовался звучно втягивающий горячий чай вихрастый Тимофей Полухин.

— Мы с Алексеем позже тебе о нём расскажем, — перехватила инициативу у открывшего было

рот Красовского женщина. — Ты лучше скажи, что помнишь перед тем, как в вагоне оказался?

Антон задумался и присел на полку рядом с подвинувшимся Тимофеем.

— К переходу, через Горького шёл... Как раз мимо очереди в парфюмерный, за болгарским «Поморином». Я попытался за ветерана-«афганца» прохилиять — не пустили, уроды! А тут как закрутит... всё потемнело... И вот я здесь.

— Ясно. Тот же клинический случай! — констатировала с верхней полки Вика. — Все пациентки с одним и тем же диагнозом: «пыльным мешком пришибленные»!

— Вика, как не стыдно! — прикрикнула на девочку мать. — С людьми неизвестно что произошло, а тебе хиханьки!

Антон, уже малость оклемавшийся и освоившийся в «крезушнике», принял правила игры, вернувшись к прежней своей версии на их счёт (киношники то ли с похмелья, то ли придураются) и с интересом пялился на Ольгу: «гёрл» чуть за тридцать, с обалденными формами и явно не дура. Она здесь, похоже, заводилой была: все мужики при ней вели себя смиренно, прислушивались к тому, что говорит, не возражали.

«Режиссёр, наверное, или сценарист в этом балагане, — предположил он. — И всё при ней, однако! Жаль, не вдвоём в купе! А может, чай попьют и свалят?» — возникла вдруг шальная мысль.

Мало ли что с тобой случилось, а упускать хорошенькую фемину не след!

— Наверно, кто-то на бабочку наступил! — неожиданно бросила сверху Вика.

Мать странно посмотрела на неё.

— ...И грянул гром? — задумчиво озвучила она продолжение мысли дочери.

— Ну да! Всё в нашем времени пошло не так! И за окном уже не Россия, а Китай, к примеру! Или... Австралия! — с энтузиазмом продолжила Вика.

— Ага, вон кенгуру попрыгала, а какаду какать полетел! Ты что, подруга, начиталась Брэбери или Саймака? — засмеялся Антон.

Однако Викино предположение явно озадачило Ольгу, и она уже по-новому посмотрела на собравшуюся в её купе странную компанию.

— А может быть, Артура Кларка или Гарри Гаррисона? — поинтересовалась женщина. — Впрочем, какая разница? Всё равно вряд ли сейчас что-то можно сказать, в Питере разберёмся.

— В Питере?! Ни фиги себе занесло меня! Прямо в «Красную стрелу»?! И чего мне тут делать?!

Ольга пожала плечами:

— А что, есть выбор?

...Тем временем поезд продолжал стремительное движение в дождливой осенней ночи. Каждый из пассажиров купе № 4 седьмого вагона думал о своём, стискивая стаканы с остывшим

чаем. И только лохматый Фёдор мирно посапывал, повернувшись на бок, прямо посреди пространственно-временного континуума.

«Бывший студент, бывший кочегар, бывший матрос и бывший муж» лабух Тоша был столь же раним и сентиментален, сколь умён и циничен. Два в одном не всегда ладили. Потому, когда надо было побудить себя к действию, Антон в мыслях презрительно именовал себя Тошей, что означало: «Неужто маменькин сынок расквасился... соску захотел?» Вот и сейчас, сидя на нижней полке и глядя в черноту ночи за окном, он вдруг со всей очевидностью понял, что растерян... и не просто растерян, а даже ОЧЕНЬ! Панике мешало предаться лишь одно: на него пристально смотрели синие блюда глаз Ольги.

Заметив её взгляд, он решительно хлопнул себя по коленям, обводя взглядом собратьев-потеряшек:

— Ну, что расселись? До Питера несколько часов. Дамам отдохнуть надо.

— Да... Пойдём, покурим, пожалуй, — неуверенно предложил будёновец.

В тамбуре было холодно и сыро. Но ни Алексей, ни Тимофей, ни Антон этого не заметили (Фёдора оставили в купе досыпать; «Да и толку-то...» — махнул на «неандертальца» рукой

Антон; Николай, забрав пустые стаканы, направился к себе — «обязанности проводника никто не отменял»).

Алексей порылся в карманах в поисках кисета с махоркой. Не найдя, вспомнил, что перед боем закуривал. «Наверное, в окопе остался... выпал в горячке. Твою ж дивизию...» — с досадой ругнулся он про себя.

Антон протянул ему помятую пачку «БТ». С сомнением покосившись на странные «цигарки», солдат закурил и одобрительно покачал головой, выпуская кольца ароматного дыма. Привыкший за год с лишним войны с благодарностью принимать каждый миг передышки, не задаваясь вопросом, когда он кончится, Алексей курил, уставившись взглядом в противоположную стенку тамбура. С наслаждением закурил и Антон.

Тимофей молча смотрел на них, спокойно ожидая, что скажут старшие (он был из них самым молодым).

— Ну, вот что, дорогие мои сотоварищи, ответы сразу на все вопросы искать не будем. Первым делом надо нам с вами по приезде где-то крышу над головой найти.

Алексей кивнул: его плащ-палатка тоже осталась в окопе.

— План такой: на вокзале, как только прибудем, начнём тётток с объявлениями «сдаю...» в толпе высматривать. Ох, ты ж... — вдруг прервал он себя сам. — Представляю, как они побегут, когда такую-то кодлу увидят!

Антон крикнул неодобрительно и коротко подытожил сказанное:

— В общем, о жилье договариваться сам пойду. Вы же пока в сторонке постоите... с Фёдором. Чтобы этот партизан, приняв за беса, кого ненароком топориком своим зазубренным не покалечил. Понятна мысль? — обводя сотоварищей взглядом, резюмировал он.

— Так точно, — коротко, по-военному ответил Алексей. Молча кивнул и младший.

Поудобнее уложив Вику и бросив короткий взгляд на мирно посапывающего бородача в полушубке на противоположной от дочери полке, Ольга вздохнула и улеглась сама на нижнюю, которую лишь несколько минут назад покинули её странные попутчики.

«Это ж СЕНСАЦИЯ!!! — вдруг осенило её. Усталость и начавший было приходить сон как рукой сняло. — Не знаю, что тут конкретно случилось, но явно, что этот экшен ИЗ РЯДА ВОН: с разных времён, смотри-ка, четверых мужиков в наш 2021-й занесло! Кто может что прояснить? Михаил Сергеевич... астрофизик, знакомый нашего редактора? Или Паша... Он же тоже какой-то там учёный?»

Имена тех, кто мог тут помочь, буквально зароились в голове.

«Стоп. Не всё сразу. Это потом... Ведь сначала потеряшек

(Ольга одобрительно скосила глаза на спящую дочь: прозвище она им придумала!) нужно куда-то пристроить».

Родительская однушка, в которую они с дочкой, сбежав от её папаши-алкаша, недавно поселились (серьёзно при этом потеснив маму с папой), для этой цели явно не подходила.

«Тогда, может, на дачу? Ах ты, Боже мой! Ключи ведь не взяла! Откуда ж было знать?! Завтра... Всё завтра», — лихорадочно сменяя друг друга, теснились в голове сумбурные мысли.

«Красная стрела», втянувшись своим литым стальным телом в жерло Московского вокзала, наконец, остановилась, утомлённая ночным пробегом из столицы. Немногочисленные пассажиры седьмого вагона, катя за спиной разноцветные чемоданы с выдвигаемыми ручками, выскочили на перрон, выискивая глазами встречающих. Только после этого проводник Николай, решивший не докладывать ничего о ночных приключениях бригадиру поезда, воровато прошмыгнул обратно в вагон и постучал в дверь четвёртого купе.

— Давайте быстрее наружу! Вас не было никого — и точка! Я всё равно ничего не смогу бригадиру объяснить: скажет, что по мне дурка плачет, и штрафанёт на всю сумму билетов!

Мужчины торопливо пожали отчаянному проводнику руки.

Фёдор даже попробовал расцеловать его троекратно, но Николай выскользнул из его потных объятий и в качестве компенсации протянул мужику покрывало:

— Топор заверни, деревня! А то до первого мента только и дойдёшь!

Мелентьевский, не знакомый с современным российским сленгом, понял лишь, что с топором в руках ходить здесь нельзя, и, с готовностью обернув свой надёжный инструмент тканью, сунул за пазуху полушубка.

— Ёшкин кот! — уставился Николай на ПППШ и саблю в руках солдат. — А с этим убьют сразу, без предупреждения, да ещё и медаль получают! Вы ж натуральная ОПГ!

— Константинов со своим «Бандитским Петербургом» отдыхает! — подхватила Вика, уже одетая в расцветенную невообразимой мешаниной латинских букв «кенгуруху» и розовую вязаную шапочку. — ОПГ всех времён и народов! Да мы с таким боевым опытом замочим любого Антибиотика и Сашу Белого!

— Вика, — оборвала её Ольга, — как тебе не стыдно?! Тут неизвестно, что делать, у людей непонятно что, а ты ржёшь?!

— Да ты отроковицу зря не ругай, — примирительно забормотал Фёдор, — мои девки бы тоже от смеха покатывались!

— Вот правильно, дядя Федя, — затараторила почувствовавшая поддержку «кантра» девочка. — С юмором нужно смотреть на

ситуацию, так легче в ней разобратся!

...Юмор юмором, а Николаю пришлось искать ещё одно покрывало для сабли. Под автомат проводник, крикнув, пожертвовал свою большую клетчатую сумку, с которой челночил в прежние годы, перевозя китайские шмотки с Черкизовского рынка.

Странная компания, наконец, вывалилась плотной кучкой на перрон. Выплюнувший их седьмой вагон неожиданно оказался всем родным и надёжным пристанищем...

На Обводный – за Честерфилдом

Расставшаяся с ними там же, у поезда, Ольга, уже устроив Вику и вещи в набитом в эти часы до отказа вагоне электрички, с облегчением вздохнула: «Телефон Антону успела дать, так что завтра, как и договорились, созвонятся. А пока только успевай поворачиваться: Вику к родителям забросить — раз; с работы отпроситься — два; друзьям позвонить...» В общем, были и четыре, и пять, и шесть. «Как там они?» — лишь однажды подумалось о том, как устроились потеряшки...

А они, едва оказавшись на перроне, по-военному чётко начали выполнять задуманное. Сначала куда-нибудь подальше от посторонних глаз — упирающегося и не вполне понимающего ситуацию

Фёдора с его торчащим из-за пазухи дровком топора; потом выставить дозор, отправив Тимофея дежурить на ближайшей свободной скамейке, откуда тот в случае успеха отсемафорит остальным о выдвигении; Антону же предстояло заняться поиском бабок.

Ему повезло: те тут же, по близости, тёрлись! Заприметив их сразу же, по выходе с поезда, он был совершенно уверен в успешности «предприятия»: что он, о жилье, что ли, сговориться не сможет? (Этот вопрос он с Ольгой даже рассматривать не стал; когда же она спросила, смогут ли они до завтра где-нибудь перекантоваться, «А то!» — только и ответил он, едва не сплюнув сквозь зубы. «Неужто бабу такими проблемами грузить?» — добавил тогда про себя).

Вспомнил же о своей самоуверенности лишь теперь, когда понял, что не по-детски прокололся: старушечья, с которой сговаривался, практически сразу приказала деньги показать. Он вынул помятую двадцатипятирублёвку. Бабка покосилась на него, как на умалишённого, и начала пялиться. Когда же к ним поспешно направился решивший, что средств не хватает, Тимофей и протянул ей не менее помятые «керенки» (с небольшой добавкой бонов от самого Махно!), старуха и вовсе на рысь перешла, выкрикивая на ходу, на тот случай, если чокнутые преследовать начнут: «Ментов позову! Ментов!»

Вольготно расположившиеся на дальней, прижатой к каким-то вокзальным строениям скамейке бомжи северной Венеции неспешно накатывали вокруг сивуху. Четверо потеряшек переглянулись и молча направились к ним.

— Что надо сраной деревенщине? — не глядя в их сторону, спросил один из участников пиршества, поправляя на носу пенсне.

— Стасик, брось, что ты с ними во-о-още разговариваешь? — с прононсом пробасил его товарищ в бутсах на босу ногу.

Как раз от него шёл такой тошнотворный запах помойки, что Антон аж поморщился, когда мужик открыл свой, видимо, никогда не знавший зубной пасты рот.

— Мы вот тут... короче, с вами можно, мужики?

— А на кой нам этот геморрой? — процедил вонючий.

— Остынь, Гундосый! У них, похоже, недетский даунстрик. Послушаем... — по-прежнему не глядя на пришельцев, бросил тот, кого называли Стасиком.

Услышав вдруг покерный термин, лабух с Печатников, и в этих кругах деньгу сшибавший, внимательно посмотрел на него. Кого-то тот отдалённо ему напоминал... из прошлой жизни...

— Уж не регуляр ли ты с «Юной»? — неуверенно предположил он.

Бомж впервые поднял на него глаза. Внимательный и умный взгляд из-под пенсне аж обжёг Антона.

— Может, когда и был, — не сразу ответил хозяин пенсне, — только вот для того, чтобы пере-секаться со мной на той стезе, ты больно юн.

— Если скажу, что одного тогда возраста мы были, не поверишь ведь?

Бомж в подтверждение помотал головой: «Не поверю!»

— Вот то-то и оно. А ведь всё — суцная правда. Сам пока не разобрался, что со мной... то есть со всеми нами, — поправился лабух торопливо, — случилось как... но против фактов не попрёшь, такой вот у нас шоудаун получается...

— Да, паря, гадалово ты тут нам нарисовал... — включился в разговор молчавший до этого старик в шинели.

«Почти как у Тимохи!» — мелькнула вдруг у Антона мысль.

— Ладно, — положил вдруг руку ему на плечо, заставляя замолчать, Стасик.

В этот миг Антон пересёкся с ним взглядом и буквально опешил: в глазах бомжа огоньком проскочил какой-то глубоко запрятанный, но совершенно очевидный к нему интерес.

— Дай им по маленькой, Гундосый. Они, похоже, не торопятся. Мы тоже.

Четверо мужчин, стараясь держаться плотной группкой, молча пили обжигающий напиток. Стасик же со всё нарастающим интересом осматривал их.

— Давно бомжуете? — наконец поинтересовался он.

— С самой Москвы, — ляпнул первое, что пришло на ум, Антон.

— Ну-ну... — неопределённо пробурчал питерский «коллега» со стажем. — Приткнуться где-то надо... — скорее, не спросил, а заключил он.

— Да, желательно бы... хоть на сутки... А там что-нибудь найдём, — занюхав сивуху рукавом, ответил Антон.

— Ну, двинули тогда!

Стасик встал со скамейки, запахнул свой линялый плащ, поправил ворот грязного свитера и, не глядя на спутников, побрёл по перрону в хвост поезда.

Потеряшки недоумённо закрутили головами в сторону ныривших в здание вокзала пассажиров:

— А нам не туда?

Бомж остановился и с меньшим недоумением уставился на них:

— У вас что, билеты есть?! Там же турникеты! Шевелите ба-тонами, если жильё нужно!

Мужчины переглянулись и, стараясь держаться кучно, двинулись за своим проводником. Идти пришлось долго: вначале по перрону, затем по грязным бетонным шпалам — добрых полсотни стальных путей, то текущих параллельно, то перекрещивающихся у стрелок. Слева, отделяя пути от выхода на улицу, тянулся забор из стальной сетки — не пролезть!

Фёдор косился то на рельсы,

то на мелькавшие за сеткой машины и мелко, незаметно крестился, бормоча псалом Девяностый. Тимофей с Алексеем тоже с интересом крутили головами, время от времени толкая друг друга в бок: «Гляди, вон!»

Наконец, снова появилась платформа и поезда, стоявшие у перронов.

— Это всё дальнего следования: Владивосток, Новосибирск, Ташкент... — пояснил Стасик. — Вы фейсы тятками сделайте и не шарнирите глазами: впереди менты стоят! — строго проинструктировал он. — Как их пройдем, сразу сворачиваем у кассового зала под арку!

Два стража правопорядка в какой-то странной, как показалось путешественникам, форме, с дубинками и наручниками на поясе, заметив группку во главе со Стасиком, отвернулись и стали внимательно наблюдать за погрузкой продуктов в вагон-ресторан хабаровского экспресса: «Возьмись проверять документы — их, скорее всего, нет; а это значит, надо забирать в отдел для выяснения личности... Пачкаться не хочется... Потом свои же в отделении лохами назовут — зачем эту рвань притащили?!»

У кассового зала на них пахнул запах шаурмы и скверного кофе, вызвав в желудках полуголодных мужчин спазмы, а в головах — шальные мысли о распаковке сабли и топора. Однако, решив всё же следовать плану, они прошли дальше и оказались на пересечении Лиговского

и Невского. От обилия разнообразных автомобилей, с рёвом и звоном несущихся трамваев у Фёдора из головы вылетела последняя строфа псалма... Крутилась лишь Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»

— Ну, как тебе шайтан-арба, дядя Федя? — ткнул пальцем в сторону проходящих трамваев Тимофей, стараясь за излишней весёлостью скрыть собственную растерянность.

— Весьма страшна! — честно признался мужик. — Бесовская сила её по железной колее тащит!

— Эх, темнота! Вот за таких, как ты, и воюем с беляками! Ты, поди, и не учился совсем?

— Как не учился? — оправдывался Фёдор. — Кто бы меня в церковные старосты выбрал?! Четыре годка в церковную школу при нашем приходе ходил! И грамоте, и счёту учён... — Фёдор оживился, вспомнив привычную жизнь, из которой его выдернули. — Батюшка Онуфрий, наш бывший настоятель, меня даже хотел в семинарию отослать! Отец упёрся: помощника в хозяйстве не захотел терять.

— Да, ничего не скажешь, образование у тебя — что надо! Почти как у меня — три класса сельской школы да вечерние курсы для красноармейцев, пока на формировании были.

— Шевели батонами, рвань! — прикрикнул Стасик на своих попутчиков, увлекая через переход на Лиговке.

Светофор на переходе горел предательски мало, а с обеих сторон целая куча шайтан-арб пофыркивала и явно хотела ими поживиться! Перейдя, повернули налево, в переулок, и оказались среди старых пятиэтажных домов в тесных дворах-колодцах.

— Двигаем на Кузнечный, а потом на Свечной переулок, — пояснил маршрут Стасик, — потом через садик Сан-Галли на Обводный канал, наш с вами приют: на Обводнике — жилья вдоволь, только выбирай!

...Когда-то вполне приличный район города, с вполне приличными жителями (многие из которых оставили в брошенных квартирах не только кое-что из мебели, но и книги, среди которых попадались издания позапрошлого века с «ятями» и великолепными гравюрами, — они давали многим из их нынешних квартирантов, жгущих остатки мебели и валяющихся на продавленных диванах, «мелочишко на молочишко», коль последние догадывались снести их на блошиный рынок), Обводный встретил их зловонием и массой домов вокруг, зияющих выбитыми окнами. Вдалеке, прямо перед расселёнными домами, виднелась станция метро, а за ней — колокольни и купола трёх небольших церквушек.

Увидев их, Фёдор с облегчением вздохнул и истово перекрестился двуперстным знаменем: «Слава Богу! Здесь хоть во Христа веруют!»

Однако заснуть в тот день у Фёдора так и не получилось: днём они обживались в брошенном доме, где церковный староста долго и безуспешно искал чью-нибудь случайно забытую иконку, — картин всяких было много, но... Потом, уже вечером, в первый раз за этот день все поели любезно одолженные божжами тонкие пироги в чём-то прозрачном (что, как оказалось, надо было снять с них перед едой!) и запили чем-то тёмным и сладким. У Фёдора от этой бесовской еды в животе всё бурлило и играло. Но выбирать не приходилось, самонадеянность Антона всем обошлась дорого. «Хотя и то правда: не у бабы же на хлеб просить! Она вон и так сколько делает! Слава Богу, сегодня Антон ей весточку передал, и она обещала приехать. Так что, может, всё с Божьей помощью и наладится! И вообще, «не хлебом единым»...

— Ох, грехи наши тяжкие, — ворочался он на кипе испитой непонятными письменами бумаги, — не бунт в животе гнетёт, а бунт в душе.

Ох и пакостно на сердце... ох и скверно, что не может с чистым сердцем и благодарностью приют от этих лихих людей принять... что судит их невольно за зловоние душевное...

— Спаси и сохрани, Царица Небесная... — Фёдор беспокоится с боку на бок. — Ох, скорее бы утро! В храм мне надо! В храм!

Ещё не рассвело, а церковный староста, торопливо поднявшись с неудобного ложа, пригладил, как мог, пятернёй волосы, оправил бороду и, никому ничего не сказав, двинулся в Дом Божий. Не стал даже утреннюю молитву читать, решил, по дороге успеется, «не здесь же, в этом, прости Господи, свинарнике!»

Шёл сосредоточенно, стараясь не отвлекаться на миражи мира сего. Не затормозил даже, когда какой-то бритый иностранец почему-то по-русски закурит попросил; отмахнулся, мол, «в храм иду, нехристь ты некрещённый», а про себя подумал: «Неужто всё же под шведами окаянными Россия... или под шляхтой? Что-то больно много мужиков со скоблёной мордой... прямо на их манер».

«Ищите прежде Царствия Божия...» — удовлетворённо подумал он, подходя к паперти.

Порылся в карманах: «Нет... ничего там, конечно, нет; да и откуда взяться — за дровами ведь шёл!» Недовольно крикнув, перекрестился и виновато прошёл мимо нищих.

...На церковном дворе было немногочисленно. «Неужто уж звонили?! Всё время прислушивался, когда шёл, вроде нет!»

Заглянул в храм — темно: даже паникадило не горит, лишь свечка одна на поставце. Вгляделся в темноту: у другого поставца, что ближе к левому

приделу, с трудом разглядел ковыряющую что-то в его гнёздах бабу — парамонарку, видать. «Хоть бы ладан зажгла, заполошная...» — подумал Фёдор и, перекрестившись, направился к ней.

— Скажи-ка, женщина, а что, неужто на Покров здесь службы нет? Где народ-то? Темно почему?

— А я тебе докладывать должна?! Ишь, раскомандовался — «темно»... «народу нет»! Я тебе его рожу, что ли?! Придут, если надо будет! А не звонили? Так ведь до Часов аж пятнадцать минут ещё! Их ещё не читали... Позвонят, в общем, когда надо будет!

— А ты, женщина, почему голос в храме на мужчину повышаешь? Кто позволил тебе такое?! Где мир-то весь, спрашиваю? — возмутился церковный староста.

— Закрой-ка поддувало, хмырь, да стой тихо, пока батюшку не позвала! — махнула в его сторону тряпкой свечница.

Фёдор от такого её поведения опешил, но тон («чтобы в Храме Божьем не скандалить — может, одержимая») всё же понизил:

— Ладно, скажи хоть, а батюшку и впрямь позвать можешь? Поговорить бы...

— Ещё чего! Буду я его из-за тебя беспокоить...

Свечница зыркнула на него победным взглядом и, гордо подняв вверх подбородок, удалилась в другой придел. Церковный староста, даже позабывший

из-за неё о молитве, истово перекрестился и направился к образам приложиться. Только было наклонился, а она тут как тут, прямо как чёртик из табакерки у барина:

— Куда лезешь, деревня, к следующей иконе! Эту после себя платочком не вытер! А молишься как?! Поч-ч-ему двумя перстами? Что, до сих пор мамка не научила?

Фёдор, стараясь больше не обращать внимания на «одержимую» («не здоровые приходят к врачу, но больные»), ещё раз перекрестился и отошёл в дальний угол церкви.

Народ же тем временем начал прибывать: по одному... по двое...

— Мать, скажи, где свечки-то взять? — обратился он к ставшей неподалёку старушке.

— Вон, в свечном киоске. Во дворе, слева от храма. Не заметил, что ль?

— Нет. Не заметил, — ответил он немногословно, обжёгшись на «бесноватой».

Киоск-то он нашёл вскоре, но вот свечки... Сколько ни просил, ни объяснял, что так уж вышло, а ему край как свечу поставить надобно, служительница, ими торгующая, не сжалилась. Так и ушёл...

— Не нашёл киоск? — увидев, что её давешний сосед ни с чем вернулся, спросила женщина.

— Нашёл. Спасибо, мать. Денег при себе не оказалось.

— Да не журись, возьми у меня, я парочку поставила, а одну вот могу и уступить тебе...

— Спаси Господь тебя, сестра, за сердце твоё доброе, — чуть не прослезился Фёдор, впервые встретив в этом мире христианское к себе отношение.

— Да ладно... Что уж... Во славу Божию...

...Поставив свечку, Фёдор молча стал возле старушки, читая про себя утреннее правило, — служба вот-вот должна была начаться...

А потом всё пошло как по писаному, чинно и благопристойно, как полагается: тенорок читающего Часы пономаря... звон колоколов... елейное пение клира... голос батюшки... Сладость разлилась по душе странника. Сердце начало оттаивать. Фёдор больше не смотрел по сторонам, чтобы не соблазняться мыслями о том, к примеру, что народу здесь всё ж меньше, чем в их церкви на вечерне («а это ведь ЛИТУРГИЯ, да ещё в ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»).

«По грехам нашим, по грехам», — шептал он, и слёзы текли из глаз истово верующего, до смерти измученного лишь одним днём в этом бесовском мире...

Из молитвенного состояния Фёдора вывел голос соседки:

— Идёмте-ка ближе... Проповедь...

— Да-да, — опомнился он, — идёмте...

Только подойдя ближе, странник впервые поднял глаза на батюшку. Тот тоже бросил на него рассеянный взгляд холодных серых глаз, который тут же перевёл на своих немногочисленных прихожан — и тут... Фёдор аж опешил. Буквально несколько строф из Евангелия и... долгий-долгий разнос в адрес их всех.

— Ну как?! — гремел батюшка. — Как, скажите, я могу назвать верными чадами Церкви вас? В Храм... в Храм Божий не ходите! Дела у вас! Работа! А разве не самое для всех вас главное дело — МОЛИТВА?! Не хлебом единым жив человек!

«Всё вроде правильно, — вскачь неслись тем временем мысли в голове Фёдора. — Мало людей в церкви... Но почему не пастырской любовью веет от голоса священника, а какой-то барской выволочкой?! Не-ет... не так голос их отца Никанора звучит... не так... К нему, как к свету, тянешься, а этот... ну прямо как кнотом сечёт!»

Он оглянулся на старушку-соседку. Та стояла, понуриив голову. Но вот вдруг спина её разогнулась, она вся как-то напряглась, и в глазах блеснул гневный огонёк.

Отвлечённый своими мыслями Фёдор не заметил, как батюшка от обличения прихожан перешёл сначала к необходимости молитв за умерших, а потом

к обличению этих самых умерших, — от чего, мол, отмаливать их надобно.

— Наши с вами отцы, братья и сёстры, — пьяницы, воры и блудники, во грехах погрязшие! Если не наши молитвы...

— Почему воры?! — обращаюсь к нему, Фёдору, вдруг лихорадочно зашептала старушка. — Мой отец всю войну верой и правдой... всю жизнь на границе потом — а он: «Воры!» ЗА ЧТО?! А мать? Ну, невенчанно жили... время тогда такое было... но ведь все пятьдесят лет, как один день, с отцом душа в душу прожила! По-церковному, понимаю, вроде и блудница получается, но по совести? Разве ж так можно нам, их детям, о СВЯТОМ для нас, о РОДЕ нашем?!

Фёдор растерянно моргал и молчал в ответ, ровным счётом ничего не понимая из происходящего.

«Если любви не имею, то я — медь звенящая...» — молоточками стучало в висках.

— Прости, мать, невежу... — заторопился он к выходу из храма.

На душе вместо успокоения поселилась тревога.

Около девяти утра Антон начал озабоченно выглядывать из окна их «шератона», почёсывая в затылке и тревожно осматриваясь. Проснувшийся незадолго до него Стасик ворочался на скрипучих пружинах своего персонального

продавленного дивана и курил заначенную у Антона с вечера «БТ»; табак был на редкость хорош и вызывал приятные воспоминания отчаянной молодости, силы, грандиозных планов...

Заметив метания своего старого-нового знакомого, бомж-интеллигент поинтересовался:

— Сортир ищешь? Выбирай любую комнату, кроме этой! «Зевы Плюс» не имеется, но вон ту подшивку «Нового мира» рекомендую. Кстати, — Стасик начал развивать свою мысль, — лорд Честерфилд в письмах к сыну рекомендовал тому ходить в сортир с дешёвыми изданиями Сократа и Плутарха, мол, прежде чем облегчишься, духовно обогатишься!

— Да тут я и без тебя всё нашёл. Мне позвонить бы надо... Где ближайший автомат?

Бомж, не меняя позы на диване, близоруко и сочувственно посмотрел на Антона:

— Зачем тебе автомат? Звони отсюда! Или у тебя секретные переговоры?

Антон удивлённо покрутил головой:

— Откуда «отсюда»? Где телефон?

Стасик жестом фокусника одним движением руки извлёк откуда-то из-за пазухи и протянул Антону замерцавшую и мелодично звякнувшую при его прикосновении коробочку. Тот непонимающе уставился на неё. Бомж-интеллигент выждал пару секунд и со вздохом предложил:

— Номер говори, наберу.

...Когда связь с Ольгой была установлена, Стасик бросил в трубку: «Мэм, вас тут джентльмен спрашивает» — и царственным жестом передал смартфон Антону. Из него уже доносился возбуждённый голос журналистки, которая с энтузиазмом выясняла у лабуха, где они и кто с ней говорил до него. Так ничего и не поняв из его уклончивых ответов, она вздохнула и попросила описать их точный адрес.

Приехала Ольга примерно через час. К этому времени уже очухались от дурных снов и Тимофей с Алексеем. Посмотрев друг на друга, они отправились «читать Честерфилда» в соседнюю квартиру, а потом, выйдя во двор-колодец, ёжась и фыркающая, долго умывались у пожарного гидранта, единственного оставшегося здесь источника водоснабжения. Когда же Стасик щедрой рукой распечатал две пачки просроченных картофельных чипсов, выпрошенных пару дней назад в гастрономе на Лиговке у рабочего-таджика («чем в мусорку, халдей, выбрасывать, подари добрым людям! Аллах зачтёт тебе милосердное дело!»), вернулся со службы мрачный и растерянный Фёдор. Потеряшки ели чипсы, внимательно рассматривая их на просвет и демонстрируя друг другу.

— Это как же так можно картошку жарить? — дивился Тимофей. — А нормальной у вас в городе нет вовсе?

Стасик, уже уставший удивляться неожиданным вопросам

своих подопечных, только вздохнул протяжно, взглянув на красноармейца поверх пенсне.

Подъехав к дому, Ольга по-сигналила — она была за рулём подержанного «опеля», купленного недавно по случаю (и по дешёвке) у коллеги из редакции, которому срочно понадобились деньги на лечение матери. Заходить в бомжовый «шератон» она не стала и, быстро рассовав потеряшек по сиденьям, а также засунув в багажник их режущее-колюще-стреляющую поклажу, крикнула Стасику:

— Спасибо за кров и хлеб-соль!

— Едим, да свой! — гордо отозвался тот, опираясь на подоконник. — Нужда прижмёт — возвращайтесь! Да, — вдруг добавил он, — я был бы Вам крайне признателен, мэм, если бы Вы не сочли за труд сбросить мне эсэмэской своё «мыло»: хотел бы ещё разок со знакомцем своим, с Антоном, пересечься!

— Вы правда с ним раньше встречались? Где? — спросила Ольга, когда они садились в машину.

— Похоже, что встречались, — бросил лабух, не желая развивать тему.

Ольга вздохнула и поправила сбившийся шарфик...

— Ну что, блох тут не набрались? — вновь заговорила она со своими попутчиками, когда выехали с Обводного.

— Да кто знает, отчего шкура чешется? — весело откликнулся неунывающий Тимофей. — Мы в эскадроне, бывало, как заночуем в деревне пару-тройку дней, обязательно наберёмся!

Сидящий рядом с ним Алексей покосился на собрата по оружию и попытался отодвинуться ближе к Фёдору, однако, вдохнув полной грудью сырой запах овчинного тулупчика, сел на прежнее место. Чести сидеть рядом с водителем удостоился Антон: вид у него был достаточно современный и, как надеялась Ольга, не способный вызвать вопросов у встреченных на трассе гаишников.

Повозившись между двумя потенциальными источниками педикулёза, Алексей обречённо вздохнул и начал вспоминать вчерашний разговор с Фартовым. Из головы не шли слова бомжа о культе личности, что тот цитировал из красной книжицы «Материалы XX съезда КПСС» (он называл её «мой цитатник», а себя «маоистом-хрущевистом-революционером»).

Привыкший верить печатному слову Алексей дивился умным, рубленим фразам из книжицы о преступлениях Иосифа Виссарионовича, которого он, Алексей, Богом, конечно, не считал, но уважал очень. На его глазах строилась огромная держава, начинали дымить сотни заводов, на полях появились трактора и комбайны, дети поголовно учились в школе... Правда, с войной,

конечно, тяжелова то вышло, но обвинять Сталина чуть ли не в предательстве и сознательном уничтожении командного состава армии никак нельзя!

— Он, усатый-полосатый, миллионы людей в лагерях сгноил! — витийствовал Фартовый. — В том числе и моего деда-бухгалтера!

— Твоего деда-бухгалтера, случаем, не Корейко фамилия была? — ехидно поинтересовался Стасик.

— Стыдись, Стас, таких домыслов! — патетически воскликнул Фартовый, обличающе тряся перед собратом-бомжом грязной рукой.

— Ну, тогда, значит, — Фунт! — не унимался тот. — Судя по внуку, деда за дело посадили!

Фартовый зло выматерился и, обиженно запахнув потёртую шинель, удалился в соседнюю комнату.

— Ты, сержант, не расстраивайся! — успокоил Алексея обмятый горбачёвской «перестройкой» Антон. — У нас в России традиция такая, которую ещё советский фольклор подметил: пока правитель жив, всё хорошо, а как только «его немножечко того», так «тогда узнали мы всю правду про него». Вот и со Сталиным так же: сейчас о нём — кто во что горазд! Но немало тех, кто его по-прежнему уважает.

Это несколько успокоило Алексея, и без того выбитого из колеи своим невольным дезертирством с поля боя и пребыванием

неизвестно где. Сейчас, по прошествии какого-то времени, он, правда, взглянул на слова своего товарища по несчастью несколько под другим углом; но у них, похоже, ещё будет немало времени, чтобы вновь к тому разговору вернуться.

Антон тем временем внимательно рассматривал мелькающий за окном авто пейзаж. С меньшим вниманием взирал на него и ошарашенный видами Тимофей. Фёдору же было не до картинок в окнах: его дорога чуть не убила насмерть! Мутить его начало почти сразу, как выехали с Обводного. Однако почти до выезда из города он держался, всё больше выпучивая глаза. Наконец он громко икнул...

— У-у-у! — тревожно оглянувшись с переднего сиденья Антон. — Познакомьтесь с исполнителем партии Рыгалетто! Ольга, тормози где-нибудь!

Та едва успела это сделать, прижавшись к тротуару, как Антон, быстро выскочив, распахнул заднюю дверцу перед Фёдором. Хорошо, что они ехали уже по промзоне с заброшенными корпусами какого-то завода: людей было мало, и вскоре позеленевшего и лохматого потеряшку, напоив минералкой из захваченной в дорогу баклажки, вновь засунули в машину, предусмотрительно открыв окно с его стороны.

— Ты, Фёдор, чего-нибудь съешь, — посоветовала Ольга.

— Не могу, не могу, хоть режь! — запричитал сколковский крестьянин, высовывая голову в окошко.

— Ну, конец нашей конспирации! — вполголоса проворчала женщина, взглянув на лохматую голову мужика с вытаращенными глазами в заднем окне своего автомобиля. — «Гайцы» на первом посту тормознут! Как объясняться будем, братцы?

— Нас за кого в поезде Коля принял? За артистов кинематографа! Будем настаивать на этом! — весело предложил Тимофей.

— Мысль, конечно, интересная, — засомневался Антон, тревожно поглядывая на всё ещё светло-зелёного товарища. — Но, если они в багажник полезут, как мы реквизит свой объясним? Ладно, топор с саблей — куда ни шло, но ППШ Алексея?! Лёша, — повернулся он к озадаченному сержанту, — ты хотя бы патроны из диска вылуци, скажем, муляж безобидный.

— А куда я ещё два полных диска дену?! Я ведь перед боем всё, что было, зарядил! — доложил тот.

— Приехали... — простонала Ольга, уставившись на цветастую машину с мигалками на обочине, сразу после поворота.

Два упитанных гаишника в форме с фосфоресцирующими полосами скучали рядом со служебным авто. Один из них пялился в стоящий на треноге радар, нацеленный на дорогу.

Скорости наши герои не превышали, Ольга даже старалась ехать помедленнее из-за позеленевшего Фёдора. И как раз это их подвело: полосатый жезл, словно шлагбаум, загородил дорогу.

— Куда крадёмся, гражданинка? — вежливо поинтересовался козырнувший прапорщик.

Ольга внутренне собралась, лучезарно улыбнулась и выдала тираду о своей нелёгкой журналистской судьбе, вынудившей её делать репортаж о новом отечественном блокбастере, что снимают на природе, куда она и везёт загулявших актёров из Питера. «Актёры», кроме зеленоватого Фёдора, дружно улыбались и кивали в поддержку озвученной версии.

— А этот у вас Распутина играет? — поинтересовался второй гаишник, кивнув на мужика.

— Нет, Ваньку-Каина, бандюгу... топором на большой дороге орудует, — перехватил инициативу Антон. — Пока сценарий читал, в роль входил — перебрал маленько.

— Ну и типаж! — гаишники понимающе закивали. А Фёдор, не в силах возражать против доверенной ему роли, только сокрушённо махнул рукой.

Цепляться было не к чему, а бабла с бездельников-киношников, явно ведущих жизнь плейбоев, срубить хотелось. Потому прапорщик, вздохнув, предложил выписать штраф за... «медленную езду по трассе областного

значения и создание препятствия на дороге». Ольга, опасавшаяся осмотра багажника, вместо «пятихатки» сунула прапорщику «косарь» и с лучезарной улыбкой вжала в пол педаль газа...

— Ну и дела! — удивился Тимофей. — Ты зачем ему деньги дала? Мы вроде ни в чём не виноваты! А если бы мы пешком шли, он что, ещё больше бы содрал?!

— Это, Тимоша, — популярно объяснил ему переживавший за свой огнестрельный багаж Алексей, — для того, чтобы он твою саблю не реквизирует.

— Пусть бы попробовал! Она у меня трофейная, у войскового старшины, донского казака, забрал!

— Ух ты! — заинтересовался Антон. — Так он тебе её и отдал?!

— Да ему всё равно было: раненого взяли, ну и... отправили «в штаб к Духонину»! Что с ним церемониться, с казарой белой?

Антон и Ольга только молча переглянулись — реалии Гражданской войны, зато Алексей понимающе и одобрительно покивал головой.

Отражение в гранях

Пейзаж за окном «опеля» становился всё более сельским. Дома, только одноэтажные, с редкими вкраплениями двухэтажных особняков, почти облетевшие сады, чернеющие свежей пахотой поля, редкие упитанные

коровы, своими размерами и пятнистой расцветкой выведшие из транса зеленоватого Фёдора, и, конечно, всё ухудшающаяся дорога — грязь, необъятные лужи, выбоины, редкие, мятые дорожные знаки на обочинах — указывали на то, что наши путешественники всё более погружались в русскую глубинку...

— Вика должна ужин приготовить, — сообщила Ольга, въезжая на улицу дачного товарищества «Отрадное». — Её вчера вечером наши соседи по даче с собой сюда захватили. Специально девчонку на неделю в школе отпросила у её гримзы-директора: с понтом родственники из Сибири приехали! — рассмеялась она, лихо огибая очередную лужу. — Ну, «родственнички», милости прошу!

Женщина остановила «опель», кивнула на крепкий одноэтажный дом с палисадником, скрипнула ручным тормозом и напомнила мужчинам:

— Ничего в багажнике не оставлять! Всё в дом.

Хлопоча у переносной, с двумя конфорками, «Златы», Вика и не заметила, как входная дверь открылась и в дом молча, один за другим, вошли их новые знакомцы. Обернувшись на звук брякнувших о комод ключей, она удивлённо выдала:

— Ну и видок у вас всех! Жалкий... понурый... как у котом помочных!

— Вика... — гневно зашипела на неё мать.

— Что Вика?! Ну, стыдно же просто за них! Взрослые вроде дядьки, а за день так раскисли! Я вон, когда ты меня к тётё Дусе с несметными, в упор не замечавшими меня родственниками (которые, кстати, и сами были мне вполне параллельны!) на лето отправляла, не ныла же, не плакалась: «Мама, забери обратно!» Быстро смекнула, что к чему, нашла в ближайшей кафешке вай-фай, да и просидела всё лето с друзьями «ВКонтакте»!

— Прекрати сейчас же! — повысила голос Ольга. — Сравнила свою ситуацию с ЭТОЙ! И вообще...

— Вообще что? — видя, что своими словами ещё больше расстроила честную компанию, несколько смягчив тон, произнесла Вика. И немного погодя добавила примирительно: — Ладно, идите уж есть, всё готово... Руки только не забудьте помыть! — скомандовала она Фёдору, который было начал усаживаться, предварительно перекрестившись на один из пустых углов.

Пока Вика расставляла тарелки, Ольга торжественно водрузила на стол рюмки и вынутую из объёмистой сумки бутыл «Посольской».

Мужчины оживились.

— Да... Можно и по маленькой... — заулыбался Алексей, потирая руки. — Для развития аппетита, так сказать...

— А то его, этого самого аппетита, у вас нет, — подначила Ольга.

— У Фёдора точно нет. Сам говорил в дороге.

— Так то в дороге, — поправил его вернувшийся из ванной бородач. — А сейчас очень даже есть. Тем более так вкусно пахнет. Только вот перед трапезой помолиться бы не грех...

— Вот те раз! А раньше-то что не предлагал? — удивился Антон.

— Так где ж было-то?! Не у нехристей же энтих... без иконто. Хотя... их и здесь нет...

— Да есть у меня иконка в машине. Сейчас принесу, — сообщила Ольга и, накинув куртку, вышла.

Минут через пять вернулась озадаченная:

— Что-то твой, Антон, знакомец больно серьёзный интерес до тебя имеет. Вот эсэмэской напоминает, что ждёт «мыло».

— Чего он ждёт? — не понял Антон. — Какое такое мыло? Ах да, он ведь ещё там об этом прошил, да я как-то пропустил мимо ушей.

— «Мыло» ждёт. Ну, «еме-лю»... е-майл... — для особо одарённых пояснила Ольга и только тут спохватилась. — Ах да... В твоё время его не было. Ладно... Разберёмся...

— Так, «родственники», — оглядела повеселевших сытых мужчин хозяйка, — давайте уже с бытом окончательно всё

решим, а потом приступим к вопросам спасения!

— Это от кого же нам спасаться? — решил уточнить неунывающий Тимофей, после обеда лихо напяливший на голову будёновку. — С держимордами на дороге вроде разобрались, или ещё кто жизнь портит?!

— Я имею в виду твоё возвращение в родной эскадрон, кавалерист! — уточнила Ольга. — Или уже передумал?

— Ды как-то... — весьма неопределённо начал Тимофей, одновременно почёсывая затылок и левый бок.

— М-да, — заключила Ольга. — Мотивов к возвращению всё меньше... А вот что мы упустили, так это вопросы гигиены! Вы же теперь все сытые, но грязные, как поросята! — заявила она не терпящим возражения тоном. — Да и одеть вас надо нормально. Сколько под киношников косить будете? Расколот ведь!

Мужчины при упоминании о возможности помывки оживились и начали дружно почёсываться.

— Вика! — позвала Ольга убравшую со стола грязную посуду дочь. — «Термекс» включи. Найдите всё: мыло, мочалки, губки, всё что есть, все чистые полотенца и махровые халаты! Будет большая «помойка»!

— Начнём с дяди Феди! — предложила Вика. — Он самый грязный!

— Дочь! — возмутилась женщина. — Как не стыдно так говорить о человеке в его присутствии?!

— А за глаза можно? — не сдавалась девочка. — Дядя Федя, заткни уши!

Фёдор, ничего не поняв, выпучил глаза сначала на Вику, а потом на Ольгу.

Остальные мужчины дружно расхохотались.

— Его бы нужно вместе с полшубком искупать... причём в карболке! — предложил надышавшийся за долгую дорогу специфическими ароматами Алексей.

— Так, Вика, выдай Фёдору полотенце и вон тот белый халат. Он побольше. Да наполни ему ванну! Начнём с него, —скомандовала Ольга. — А пока он будет мыться, ты включишь комп. Надо приобщать к цивилизации хотя бы тех, кто из века двадцатого!

— Меня увольте! Я в технике мало что понимаю, — сразу откестился от предложения Алексей.

Тимофей же, напротив, проявил живейший интерес: как самый молодой, он легче всего адаптировался к обстоятельствам, радуясь возможности узнать что-то новое.

Что до Антона, то высокомерное мнение продвинутого человека из восьмидесят шестого относительно компьютера («что я, ЭВМ не видел?») заставило его в ответ на слова Ольги лишь ухмыльнуться. Правда, ухмылка почти сразу сползла с его лица, уступив место удивлению: вместо солидного жужжащего шкафа с бобинами магнитной плёнки

ему была представлена тонкая книжица с откинутой вверх и заполненной десятками непонятных значков святащейся обложкой.

— Это ноутбук! — сообщила Вика. — Двухъядерный, мощный. У нас здесь вайфай, так что модем не нужен! Это камера, сможешь пообщаться с кем хочешь... Ну да, — вспомнила она, откуда Антон, — с кем хочешь не удастся...

— Давай начнём с простого, Антон, отправим е-мэйл твоему знакомцу, он уже сообщил, когда я сбросила ему «емелю», что отправил на него «контрольку». Просил, чтобы для установления контакта мы ему ответили, — приняла эстафету обучения подошедшая Ольга. — А ты, Вика, занимайся пока бытом, а то наши дяденьки нам блох тут напускают...

— Ну, мам... — заныла Вика, — я хотела показать Антону свою страничку «ВКонтакте»...

— Ещё покажешь! — мать была неумолима. — И поможешь ему свою завести!

К тому моменту, как Вика, выдав Тимофею с Алексеем полотенца и мыло, объяснила, как пользоваться флаконами с дорогущими мамиными шампунями (маленькая месть за изгнание от компьютера), Фёдор закончил омовение и, кряхтя и отдуваясь, появился из дверей ванной. Его выход произвёл в комнате некоторое замешательство: Вика

ойкнула и, уткнув глаза в пол, быстро засемила из комнаты, а Тимофей с Алексеем озадаченно уставились на собрата-потеряшку.

— Да-а-а, — протянул Алексей, — теперь я точно знаю, кто наш прародитель!

— Не только наш, но и всего княжества Московского! — добавил с уверенностью Тимофей.

— Бери выше — всей земли русской! — подхватил Алексей. — Ты хоть халат запахни, неандерталец! Девчонку заикой сделал!

Фёдор, всё ещё пребывавший в благостном распаренном состоянии, наконец, понял, что произошло, и, смущённо задёрнув махровый халат, пошлёпал босиком к горящему камину сушиться.

Утром всех разбудил вопль Вики:

— Ма-а-ма! Что ты вчера с компом сделала?

— А что? — выглянула из спальни заспанная Ольга.

— Что?! Он повесился!

— Кто удавился? — поднялся с дивана в гостиной встревоженный Фёдор. — Кто-то руки на себя наложил?

— Какие руки?! Дядь Федь, хоть ты меня не доводи! У компа нет рук!

— А как же он повесился? Кто он вам, этот безрукий?

— Всё! — прошипела Вика. — Идите в баню! Все!!!

— Вот те раз, опять в баню, —

проворчал мелентьевский недо-вольно. — Так можно и вовсе кожи лишиться. Не пойду!

— Это она фигурально... — пробормотал ещё не вполне проснувшийся Антон.

Раскладушка под ним натужно закричала: лабух, перевернувшись на другой бок, решил вернуться в приятную дрёму. Но номер не прошёл, Вика взялась активно исправлять ситуацию при помощи руководившего её действиями «по трубе» друга-программера:

— Да-да, я это, я! Чо так рано? Да вот... благодаря маман опять комп повесился. Ну да... Вошла в инет, хотела перейти на свою страничку, а он тянет резину, да и только! Совсем крезанулся! Я опять на интерфейс, потом снова «ВКонтакте» — вообще заглянул: выдал, прикинь, что такой странички нет! Я перегружать, а он висит — и только!

— М-да... дела, — выдал в ответ по громкой, как показалось Фёдору, голос из преисподней. Затем мелкий такой, пакостный бесёнок спросил:

— А ты, случаем, «жука» в комп не запустила?

— Жук — это я! — аж подскочил от неожиданности он и, перекрестив для верности голос в руках Вики, подошёл ближе, чтобы лицом к лицу встретиться с обидчиком. — И ни к какому компу в друзья я не лез. Вовсе этот самоубийца мне неинтересен! — заключил он твёрдо, прямо в

бесстыжие глаза косящегося на него из «коробки» бесёнка.

— Кто этот «кантр», подруга?! Дед твой вроде — чел по жизни конкретный...

— Не бери в голову, чувак! Долго объяснять. Сейчас не до флейма, — не желая врать, закрыла тему Вика. — И дело, думаю, всё же не в «жуке» (Фёдор одобрительно закивал, бормоча вполголоса: «Верно говорит отроковица, совсем не во мне дело»). Скажи-ка лучше, кроме как вхолостую, его теперь не выключить?

— Думаю, что никак, — отрицательно качая головой, ответил «программарь» и немного погодя добавил: — Главное, не паникуй, ты ж не «юзверь» какой-нибудь — сама знать должна. На крайняк залезь в хелпарт... Я сейчас в небольшом цейтноте... Ну, уж если ничего у самой не склеится, набирай опять. Попробую разобраться, в чём корка...

Теперь уже Антон помотал головой недоумённо: целый список непоняток в беседе двух тинейджеров окончательно отогнал сон. Он потянулся и, качая головой, поплёлся на кухню за кофе, кратко прокомментировав услышанное: «Да... с молодёжью так... без полбанки не разобратесь!»

— Ну что, дитё, заработало твоё чудо-юдо? — где-то через полчаса подошёл он к наконец-то

завершившей свои переговоры и сосредоточенно уставившейся в светящийся экран Вике.

— Ага, — пробормотала она, нажимая на клавиши.

Антон расчесал волосы пятернёй и присел рядом с девочкой. Делать ему было решительно нечего: Ольга умчалась в редакцию на встречу с каким-то «головастиком» (бросив на ходу, что, если тот надумал что-то насчёт них стоящее, она привезёт его к вечеру — «днём ещё прессуха!»); троица собратьев-потеряшек, наскоро запив булочки оставленным им в термосе чаем, влипла в «показывающее радио», как окрестил телевизор Алексей. Тимоха название принял с сомнением, хотя об использовании радио для связи слышал; Фёдо-ру же вообще было не до определений — он пялился в экран, совершенно ошарашенный. А показывали там сотни раз им, Антоном, виденную «Волгу-Волгу».

— За кабельное вовремя не заплатили, — встретившись с его недоумённым взглядом, прокомментировала Вика. — Так что без выбора: чем местное ТВ богато!

...Лабух рассеянно рассматривал картинки на экране у девочки. Те мелькали одна за другой. «И тут, как в телике, — подумалось ему. — Нет... пожалуй, всё же по-другому, — взглядевшись, поправил он себя, — в телике хоть программа... последовательность... смысл какой-то... голос ведущего или комментатора на крайняк... в общем,

сюжет. А здесь то фотки хозяйки странички и её друзей, то вдруг бессвязный текст по их поводу — навроде переписки постояльцев Канатчиковой дачи из песни Высоцкого, которые к тому же доучились не более чем до второго класса лесной школы».

— Да, кстати, Антон, — отрываясь от своего «ВКонтакте», бросила Вика, — тебе на наш майл пришло сообщение от Стасика: хочет с тобой встретиться и просит позвонить. Набрать? Он в тексте на всякий случай номер оставил...

— Ну, набери. Время есть.

Вика быстро пробежалась пальцами по клавиатуре телефончика и после двух первых гудков молча протянула его Лабуху.

— Наше Вам-с, дорогой коллега, — спустя несколько секунд промычал со светящегося экранчика бож. Видно было, что он что-то спешно дожёвывает. — Итак, если у тебя есть минутка, может, нам пересечься наскоро где-нибудь на Невском?

— Да я сейчас не в городе. И машины нет.

— Понятно, — задумчиво протянул «коллега», глядя куда-то в сторону. — Ну, ты, по крайней мере, можешь отойти куда-нибудь для конфиденциала...

Вика взглядом дала ему понять, что может выйти из комнаты. Антон в ответ одобрительно кивнул, после чего известил Стасика, что тот может говорить вполне свободно.

— Ну, вот что, дорогой друг: ты при нашей первой встрече на вокзале сказал, и я тебя услышал. Более того, я даже смею предположить, что вполне понял, о чём ты умолчал. По чесноку: речь о чём-то вроде эликсира молодости?

Лабух несколько секунд ошарашенно молчал. Потом ухмыльнулся, поняв вдруг интерес Стасика:

— Так вот о чём ты тогда подумал... Нет, дорогой, ошибся малец! — засмеялся, вполне осознав промашку купившегося на собственные фантазии бомжа.

— Что ты улыбишься, регуляр? Думаешь, развёл? Удачную хезу отмочил? Нет, дорогой, я понял, в чём тут фишка, поэтому так просто от меня не отмахнуться! Хочешь совсем по чесноку? Наш куратор в ментуре уже давно дачку твоей подружки вычислил. Я мог бы и к тебе явиться, но, заметь, проявил уважение... Ты понял, о чём я?

— Да понял, понял, — посеребрянел, ответил Антон. — Однако зря ты его напряг, ничего тебе это не даст, кроме геморроя. Во всяком случае, пока. Речь совсем не об эликсире. Тут другое... Но, хоть убей, пока не знаю, что...

— Убить... это всегда успеет... ся...

Бомж немного помолчал, обдумывая новые вводные.

— Ладно, живи пока, но помни: я ведь понял, что тема мутная, а в мутной воде, как известно, много чего умный человек поймать может. Так что, если

что, лучше сам мой интерес блюди... В общем, ты понял, — заключил Стасик.

Экран погас. Антон почесал затылок и положил погасшую «коробушку» на стол. «Час от часу не легче!» — досадуя на неожиданный поворот событий, подумал он.

— Ну что, переговорщик, завершил свой секретный раут? — улыбаясь, вышла из кухни Вика. — Я, между прочим, пельмени отварила. Зови остальных да айда за стол, пока не остыли!

Антон молча кивнул в ответ (чем немало её озадачил) и пошёл за телевизорами, однако оторвать их от экрана так и не смог.

— Ничего, проголодаются, придут, — сказал он, садясь к столу.

— Так остынут же...

Лабух молча пожал плечами.

— Хорошо. Давай сами поедем, — согласилась девочка, которой начало надоедать нянчиться с «кантрами».

А те увлечённо смотрели всё подряд, пока желудки мужчин окончательно не свело от голода.

Пообедав холодными пельменями, Фёдор с Тимофеем, по здравому размышлению, решили всё же немного проветриться. Глаза их с непривычки покраснели и слезились, а в головах обоих от обилия информации крутилась сплошная белиберда.

Алексей с ними идти наотрез отказался: успев за два показанных в рекламе кадра влюбиться в Аксинью, он с нетерпением ждал заявленный на 18:00 «Тихий Дон».

Октябрьский вечер был сравнительно тёплым и сухим. В окнах многих дачных домов горел свет, редкие фонари встречались и на улице. Фёдор взялся переживать о брошенной в глубине веков семье, сокрушаться по поводу нетопленной печи и всяческих возможных напастей на жену и дочерей. Тимофей, не вдумываясь в особенности летоисчисления, уговаривал его не расстраиваться и пообещал «светлое будущее без кровопийц-бояр и дворян». Редкие прохожие, с которыми основательный мелентьевский обязательно раскланивался, почему-то начинали жаться к обочине, предпочитая залезать в лужу, чем общаться с двумя странными личностями, одна из которых щеголяла в выдавшем виды полушубке, а другая — в шинели с будёновкой.

Посёлок оказался довольно большим и сумбурно застроенным. Не обратив на это внимания засветло, где-то часа через полтора прогулки Фёдор с Тимофеем поняли, что потерялись повторно!

— Господи, не остави нас, грешных! Ну что ж за морок такой?! Неужли вечно тут блукать?! Куда на этот раз попадём?! — причитал Фёдор. — Эх,

зря тебя послушал, топора не взял!

— Ты, Федя, не расстраивайся! — успокаивал его Тимофей. — Всё ж люди кругом живут — зайдём, спросим!

Открывший на стук Фёдора с Тимофеем дверь дачник оторопело посмотрел на двух мужчин и, наконец, севшим от страха голосом прохрипел:

— Вам кого, господа?

— Нашёл-таки господ! — хохотнул в ответ Тимофей, шагнув без приглашения в прихожую. — Мы тут, товарищ, немного заблудились в вашем городке! Вышли, понимаешь, погулять — и на тебе! Не подскажите, где Ольга живёт? У неё ещё девчонка — Вика...

Мужчина переводил зачарованный взгляд с Тимохиной будёновки на бороду Фёдора и молчал.

— Да ты не журишь, парень, — решил разрядить ситуацию крестьянин. — Мы ж только спросить!

Хозяин, устыдившись собственного страха, совладал, наконец, с нервами: откашлявшись и отступив на пару шагов вглубь прихожей, он жестом предложил посетителям пройти.

— Как фамилия вашей Ольги? — преувеличенно бодрым голосом деловито поинтересовался он.

— А Бог её знает! — откликнулся Фёдор.

Мужчина озадаченно посмотрел на посетителей.

— А улица их какая? — спросил он.

Фёдор и Тимофей беспомощно переглянулись.

— М-да... — хозяин дома начал переминаясь с ноги на ногу. — И как же прикажете её искать?! В дачном кооперативе народу под две тысячи! К тому же я сам только в июне хибарку эту прикупил, лето лишь прожил. Соседей за обоими заборами да напротив — через улицу — ещё знаю...

Потеряшки потупились: ситуация явно осложнялась.

— Давайте вот что, — оживился уже окончательно пришедший в себя мужчина, — вы проходите, а я пока дачникам нашим, тем, кого знаю, позвоню!

Тимофей с Фёдором, сняв грязную обувь, прошли, не раздеваясь, в комнату и сели у старенького круглого стола, на котором были разложены бумаги, книги и сияла «обложкой» уже знакомая им вещица под названием ноутбук. Сели, поёрзали на стульях, осматриваясь. Книги были не только на столе — они были везде: стопками и россыпью, на полу и на каком-то ящике в углу... Видно, хозяин и точно недавно переехал — расставить не успел. Всё вокруг кое-как, сразу видно: один живёт, и женщины нет.

...Перезвон с соседями результатов не дал: двое никакой Ольги в товариществе «Отрадное» не знали, а один назвал старушку лет восьмидесяти (ещё

три известных ему номера молчали — «перезвонить позже?»)...

Чтобы как-то разрядить ситуацию, хозяин, назвавшийся Олегом Николаевичем, предложил выпить чаю. Пока вода закипала, бумаги со стола он сдвинул и, убрав ноутбук, начал перетаскивать с кухни разнокалиберные стаканы с блюдцами, сахарницу, открытую банку варенья и хлебницу с неровно нарезанными ломтями батона и вафлями вперемешку.

— Работаю над книгой, понимаете ли... — словно оправдываясь за беспорядок, объяснял он на ходу. — Монографию нужно сдавать, опаздываю со сроками! Историк я.

...Попытки хозяина расспросить подробнее гостей о том, кто они такие и откуда, мало к чему привели: «Приехали на автомобиле, а до этого на поезде ночью ехали».

Немного рассказав о себе и о работе на кафедре истории России в вузе, Олег Николаевич упомянул, что заканчивает монографию о восстании Ивана Болотникова и об экономическом положении крестьянства Центральной Руси в начале XVII века. Услышав знакомое имя, Фёдор оживился.

— Это какой Болотников-то? Ванька-холоп, что ли? Помню его, изверга, как же! Его казаки со стрельцами деревеньку нашу окончательно по миру пустили! Хуже поляков! — горячо откликнулся Фёдор. — Он за царя

ложного, Дмитрия, что в Москве убили, против царя Василия Шуйского в Коломну пришёл. Ну всё, супостат, по дороге разграбил! Всё подчистую!

Олег Николаевич онемел от этой тирады и, слегка склонив голову набок, молча воззрился на гостя. В его сознании никак не стыковалась совершенно явная и поистине поразительная информированность собеседника с бредом по поводу его участия в событиях четырёхвековой давности. Зароились противоречивые мысли: «Звонить 03... А смысл? Лишь к утру доберутся. Но ведь рассказывает, будто сам всё видел, — это уникальный шанс для любого историка... А может, коллеги разыграли — подослали бородача?»

— Вы, любезный, о Болотникове как о современнике говорите. Это очень интересно... — пробормотал учёный. — Может, подскажете, где он сейчас? — с некоторой долей ехидцы поинтересовался он.

— Дык в шестьсот седьмом его Шуйский в монастыре-то и утопил! — Фёдор в сердцах сплюнул. — Туда ему и дорога, супостату!

— Как же это вы, любезный, холопу-то не сочувствуете? Пусть не из крестьян, но из трудового народа человек всё-таки...

Фёдор непонимающе уставился на учёного:

— Какой трудовой народ? Он же из военных холопов! Это ж дворянское сословие, только без земли!

— Да ну?! — удивился Олег Николаевич. — Это точно?

— Точнее не бывает, — развёл руками Фёдор. — Это каждый писарь наш волостной знает! А грамоту по поводу вора Болотникова я сам читал... у Мелентьевых в имении... Семён Григорьевич тогда всех старост собирал по поводу её оглашения!

— Боярин Мелентьев Семён Григорьевич?! Сокольничий Шуйского?! — вытаращил глаза хозяин дома. — Вы ничего не путаете?

Мужик важно отхлебнул чай, хрустнул вафлей и, покровительственно посмотрев на историка, истово перекрестился:

— Вот те крест! Так и было! На память не жалуюсь! Половину Псалтыри наизусть помню! Хочешь — проверь... — победно заключил он, потягивая чай из блюдца.

— Ну, заладили вы про царей да бояр! — вступил в разговор молча до того пивший чай Тимофей. — Мы с ними уже как три года покончили!

Хозяин дома, ещё не пришедший в себя от погружения в семнадцатый век, нервно дёрнулся и уставился на красноармейца. Тот, распарившись от чаепития, скинул на спинку стула шинель с красными «разговорами» и галунами и, сдвинув на затылок будёновку, прочно упёрся локтями в стол, сосредоточенно дую на блюдец.

— Ух, сколько я пёхом прошёл, пока во Вторую конную попал! А всё Мамонтову спасибо!

Не устрой он в прошлом году поход свой на Москву, так бы без кавалерии и воевали! Сам на прошлой неделе от Льва Давыдовича слышал: «Хорошо, что мы пролетария на коня посадили, большая моя ошибка была конницу считать аристократическим родом войск!»

Учёный аж чаем поперхнулся:

— Лев Давыдович? Это... Троцкий?! На прошлой неделе?! В разговоре с вами?!

— Да нет, что вы, товарищ историк! — откликнулся Тимофей. — Это он с командармом Мироновым разговаривал. Но поскольку все за одним столом сидели — и я, и Цимбалюк, — вот и слышал. А так-то товарищ Троцкий — мужик боевой и никогда не чинится; где бывает, всегда с красноармейцами обедает... и даром что еврей, — чарку выпить не дурак! И это народный комиссар всей Красной армии и Красного флота! А знаете, как мы Мамонтова остановили? — добавил он, оживившись. — Думаете, артиллерией? Как бы не так! Наша Вторая конная фактически с комсомольцев-смертников началась! — понизив голос, выдал он.

— Это как? — вытаращил глаза вконец заинтригованный историк. — Почему смертников?!

— Ну, добровольцев, если хотите, — снисходительно поправился Тимоха. — Когда Мамонтов со своей казачьей армией почти до Москвы прорвался,

партия бросила клич комсомольцам: остановить беляков! Из добровольцев отобрали тысячу для конного похода. Почти все на коне разве что пару раз катались. Из рабочих... городские! Тогда взяли и к седлу каждого привязали по две подушки: одну впереди к луке, другую сзади. Ну, чтобы ровно могли усидеть на рыси хотя бы! Каждому дали по два нагана с полным барабаном. Вывели всю эту ораву против мамонтовцев. Те лавой пошли с гиканьем и свистом. Но наши не сплеховали: как казак уже шагах в десяти — из наганов с двух рук начинают палить, да так, что до них лишь труп уже доезжает! Конечно, третий или четвёртый комсомольца рубил до седла — патроны-то кончались... Но пару тысяч лучших ветеранов-беляков они с ходу уложили, Мамонтов откатился, а там дело пехоты... там и погнали!

Бедный Олег Николаевич онемел от шока да такой информации из первых рук.

Разговор трёх мужчин потёк дальше, перемежаясь то свистом закипавшего чайника, то взрывами весёлого хохота после допитой бутылки дагестанского коньяка, припрятанной хозяином для особого случая (видать, как раз тот самый случай!), а затем и давно забытого в чулане среди бутылок с олифой и керосином «Вана Тоомаса», то судорожными поисками учёным очков и

записями на оборотках своей же рукописи, его восклицаниями и проклятиями в адрес давно уже почивших в истории личностей...

— Я тебе, Олег, вот что скажу, — размачивая в налитом в блюдце чае кусочек сахара, втолковывал историку Фёдор, — сколько поляки со шведами ни старайся, ничего у них на Руси не выйдет! Потому как и Польша, и Швеция их — католические вотчины Папы Римского! А он кто у нас?!

— И кто же? — переспросил заинтригованный догматическими рассуждениями бородача учёный.

— Всего лишь епископ Римский! И никакой Божеской силы не имеет! — победно заключил Фёдор, отхлёбывая чай.

Не удовлетворённый столь ненаучным ответом Олег Николаевич что-то промгчал, покрутил головой и, воинственно нацепив на кончик носа очки, парировал:

— Так за ним, епископом Римским, вся Европа! Священная Римская империя! А Русь — что?! Леса до льдов Белого моря и Камчатки... Ах да, туда ещё в ваше время не дошли, — спохватился он. — Ну, до Иртыша да степей, татарами занятых! Что мы можем противопоставить католикам?!

Фёдор хмыкнул и покровительственно посмотрел на него:

— Ты, боярин, человек шибко учёный, потому наверняка знаешь о князе Новгородском Александре, прозванном Невским?

— Разумеется!

— Так вот скажи-ка, что святой тот князь своей малой дружине говорил перед тем, как на немцев с ливонцами пойти?

Перед мысленным взором историка калейдоскопом замелькали с детства знакомые кадры из чёрно-белого фильма, снятого в 1938 году: горящий Новгород; богатыри в кольчугах; немцы в белых плащах с крестами и рогатых шлемах, похожих на вёдра; тонущие в проломленном льду рыцари и кони.

— Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет!

— Да ну? — озадаченно откликнулся мужик. — Это слова из Священного Писания! А я вот Жития его читал, из которых доподлинно знаю, что сказал он тогда: «Не в силе Бог, а в правде!» Так вот, за папой правды этой самой нет, а значит, и силы нет!

По лицу Фёдора вдруг пробежала тень, и он, понизив голос, тяжёлым, долгим взглядом вперился в собеседника:

— По всему выходит, что и ты, боярин, и Ольга с дочкой, да вот и Тимоха тот же... живёте позже меня... Скажи разом: удалось ли что у католиков на Руси?

Вопрос дался Фёдору нелегко. Для этого он собрал воедино и крестьянский здравый смысл, и православную веру в чудеса. Олег Николаевич, почувствовав нутром всю вложенную в него боль простого русского человека, уже допустившего свою вечную

потерянность в потоке времени и готового ко всему на любом свете, честно ответил:

— Ничего не вышло. Русь ещё сильнее стала. Стала огромной Россией, а потом — Советским Союзом, а теперь вот — снова Россией! И не только у поляков со шведами ничего не вышло, но и у других завоевателей тоже! Германия в сорок первом напала, уж насколько сильны были немцы...

— А в сорок пятом Гитлер отравился — и делу конец! — неожиданно вклинился в разговор пытающийся вытрясти хотя бы ещё каплю из пузатой эстонской ликёрной бутылки Тимофей.

— А ты-то откуда знаешь, кавалерист Второй конной?! — поразился историк. — До этого ты ещё четверть века не дожил!

— Антон рассказал вчера, чем очень обрадовал Алексея! А то он всё немцев искал, стволом во всех тыкал! — пояснил красноармеец.

Хозяин дачи несколько секунд адаптировался к новым сведениям: «засланцев», оказывается, много... и из разных времён... Это какая ж информация в руки идёт?!

— Вот-вот! — продолжил свою мысль Фёдор. — А почему так происходит? Потому что Русь, или, как ты говоришь, Россия, должна удерживать зло в узде до самого прихода Антихриста! Русь — это Катехон, зло удерживающий! До падения Константинополя им была Византия

— Греческая империя; а как святой город пал, Русь на себя эту тяжесть и приняла.

Олег Николаевич с искренним интересом уставился на бородатого крестьянина: вот уж от кого он не ожидал знакомства с теорией Катехона, да ещё и с такими живыми примерами из современности. «Ну что ж, попробуем поговорить об этом подробней», — подумал историк.

— А что, Фёдор, эта свистопляска на Руси в твоё время как-то называлась особо?

— Смутой мы её называем... Большой замятнёй...

— А с чего она началась?

— Да с бояр, ясное дело! Царскую власть делить взялись после смерти наследников царя Ивана Грозного! И это вместо того чтобы управлять страной, хозяйствовать и обороняться от врагов внешних! А потом уж и стрельцы с военными холопами, казаки донские да яицкие, просто крестьяне пошли — всеобщие такие разброд и шатания начались!

— Революция! Эт-т-о ж революция! — вновь вклинился в разговор Тимофей. — Надо было вам Советы трудящихся выбирать, а бояр с прочими эксплуататорами на суку вздёрнуть!

Фёдор хмыкнул:

— Примерно так и получилось... Да только сейчас страну и защитить некому; да и хозяйство, почитай, на Руси от границ с Литвой до самой Москвы — всё погибло! А поляки со шведами

нашу землю делят... Однако, — он с надеждой взглянул на хозяйина дачи, — слава Богу, ведь всё хорошо кончилось...

Разливавший подостывший чай по стаканам Олег Николаевич утвердительно кивнул и перевёл взгляд на Тимофея, напоминая:

— А с чего революция началась в семнадцатом? Тоже, как ни странно, с дележа государственного пирога: буржуи и продвинутое дворянство в Госдуме сместили царя и начали власть себе рвать, кто сколько сможет! Ведь твой современник, адмирал Колчак или Деникин тот же — и думать не желали о царском троне! Они были за свободную, демократическую Россию!

— Да ну?! — сдвинул на ухо будёновку озадаченный красноармеец.

— Представь себе! Ты у Льва Давыдовича подробнее об этом расспроси! — не удержался от ехидства историк. — А в самом конце нашего века двадцатого вновь всё повторилось...

— Неужто опять революция?! — удивился Тимофей.

— Ещё какая! «Перестройкой» называлась! Нынешние наши бояре и дворяне решили поменять свою партийную власть на деньги! И снова вышло, как в семнадцатом: желающих делить деньги и власть в стране оказалось очень уж много! Да и сама страна развалилась на части, войны до сих пор не прекращаются!

— Это после этого всякая шваль снова в Москве? — уточнил Фёдор.

Олег Николаевич только в сердцах махнул рукой. Фёдор понимающе покивал головой.

— Ничего, мы выдержали, и вы выдюжите! — с уверенностью заключил он. — Сейчас, как я могу судить, не так уж плохо и живёте. Разорения особого не видать!

— Разорение, Федя, в основном в головах, — сокрушённо отметил историк.

— Это точно! — оживился сколковский крестьянин. — Я в церкви ещё в городе заметил! Это только подумать: на праздник Покрова Божьей Матери в таком храме, посреди людного православного города, двадцать человек на литургии! Чать, не в катакомбах служите при антихристе Нероне! Как же так?! Да ты сам-то, боярин, когда на литургии последний раз был? А причащаешься часто?

В ответ Олег Николаевич только крикнул сокрушённо и начал искать содержимое в пустых уже бутылках, отчаянно их тряся в подставленную кружку. Занятие было явно бесполезным, но избавляющим от покаянного ответа крестьянину. А тому ответа вовсе и не требовалось: он только с удивлением перечислял все те «бесовские» вещи и явления, с которыми удалось столкнуться за последние три дня у далёких потомков. Он просто перечислял их, не обличая и не

осуждая, с удивлением и обидой...

— Коль дух православный не вернёт, зла Русь не удержит! Помяни моё слово, боярин! — горестно заключил Фёдор.

Помолчали.

— Засиделись мы у тебя, уж рассвело совсем, — спохватился неожиданно церковный староста, перейдя от высоких материй к реальности. — Как нам дом родной всё же найти?

— А давайте так, — вступил в разговор красноармеец. — Олег Николаевич нас на дорогу, по которой мы сюда приехали, выведет, а мы уж постараемся вспомнить, как до дома Ольгиного доехали! Мы не так долго оттуда добирались, да и кое-что с той дороги я помню, если глаза закрыть!

Фёдор, услышав столь здравые рассуждения от младшенького потеряшки, часто заморгал глазами, закивал согласно — хотя бы какая-то перспектива!

Поворот с шоссе, с огромной лужей и покосившимся жестяным указателем «Отрадное», вспомнил даже Фёдор. Дальше Тимофей вдруг опознал водопроводную колонку возле поворота вглубь дачного посёлка («я ещё удивился: какой дурак её в белую полоску раскрасил!»). И, наконец, немного поплутав, они увидели две сосны («ветками в разные стороны»), которые также заметил Тимофей, когда выходили из машины у дома.

— Вот он, нашёлся! — радостно воскликнул он, тыча пальцем в их нынешнее пристанище.

На пороге в объятья Фёдора с радостным визгом кинулась Вика:

— Дядя Федя, мы думали, с вами всё!!

Фёдор, растроганный таким приёмом, часто заморгал, успокоительно при этом бормоча и глядя плачущую девочку по головке. Вспомнились свои дочери в таких же летах. Что с ними сейчас?!

Вика тем временем бормотала: «Вы ушли, Алексей с Антоном в магазин, что в соседнем посёлке, за продуктами отправились... Думала уж, что вовсе испарились туда же, откуда явились». Она вдруг резко, как будто обидевшись на что-то, высвободилась из объятий Фёдора и, выхватив из кармашка куртки смартфон, взялась названивать матери, взалёб сообщая, что они вновь обрели двух потеряшек. Та, также обрадованная случившимся, попросила дочь «запереть шатунов-оболтусов дома» до её возвращения.

Сопровождавший их Олег Николаевич был явно заинтригован всем происходящим, особенно подтвердившейся информацией о наличии ещё двух вневременных субъектов. Однако, поняв, что его миссия проводника выполнена, тепло распрощался с крестьянином и красноармейцем и после взаимных обещаний ещё встретиться и посидеть отправился восвояси.

Радостная Вика засуетилась, собирая на стол всё, что было на плите и в холодильнике. Вновь

обретшие дом потеряшки, целую ночь проведенные за холостяцким столом историка, где самым питательным блюдом были несколько кусочков розовой варёной колбасы, навалились на макароны и сардельки, чёрный хлеб со сливочным маслом и подмели с чаем целую конфетницу дешёвой «Коровки». Вика без умолку трещала, приобнимая то Фёдора, то Тимофея, подкладывая и подливая им беспрерывно.

Однако сразу после завтрака, перешедшего в обед, спокойная жизнь для обитателей дачи неожиданно кончилась. Когда Вика с Тимофеем («помоги отроковице, младшой!») убрали со стола, у их калитки из хлипкого штакетника остановился замызганный джип. Несколько минут из него никто не появлялся, а затем все четыре дверцы машины разом распахнулись, и к дому быстрым шагом направились четверо: трое крепких, молодых, бритоголовых парней в спортивных костюмах и семенящий за ними уже знакомый потеряшкам Стасик. Трое парней держали в руках бейсбольные биты.

Наблюдавший через кухонное окно Тимофей среагировал по-звериному быстро: оттолкнул Вику и, бросившись к входной двери, захлопнул её и подпёр стоявшей в углу старой гардиной.

— Фёдор, топор! — скомандовал он, метнувшись в спальню за своей пашкой.

Наученному Смутным временем мелентьевскому крестьянину ситуацию объяснять было

не нужно: бесконечные обиды от поляков, да и своих разбойников и казаков были для него свежи в памяти, как и методы защиты от всякой такой напасти. Трое с дубинками — не вопрос! В дверь уже ломились, её старые доски скрипели и вибрировали, но не поддавались ударам. Оставив Фёдора с верным топором напротив двери, Тимофей с пашкой в руках побежал осмотреть окна. Вдоль них уже метался основной виновник этой заварухи — бомж-интеллигент; не веря ни единому слову своего давнего знакомого-лабуха, он вознамерился силой вытрясти у него то самое молодильное снадобье, что про себя звал «живой водой». Трое отморозков из спортивного клуба на Лиговке были привлечены им на дело под обещание «хороших бабок у стервы-журналистки».

— Не смотрите, что у лоха этого сабля, — заорал прильнувший к окну Стасик. — Она явно театральная вещь!

«Ткнуть тебя, что ли, падаль? Будешь для клинка седьмым, после порубленной контры!» — усмехнулся про себя Тимофей; опасности особой он не почувствовал — дубинки и есть дубинки! Больше испугался за девчонку да что дом пограбят...

Вика тем временем, забежав в спальню и пошарив в шкафу, вытащила клетчатую сумку с алексеевским ППШ. Пару секунд подумав, кому его вручить, побежала к Фёдору: у него самая опасная позиция, прямо напротив двери!

— Дядя Федя, возьми, а то они сейчас ворвутся!

Фёдор, на мгновение отвлёкшись от сотрясавшейся двери, устоял на «колотушку»: зачем ему в другой руке эта дубинка, когда топор есть? Но всё же схватил автомат за ручку. Страшное оружие, о мощи которого он и не подозревал, повисло в его левой руке стволом вниз.

Тем временем отморозки, оставив в покое входную дверь, взялись крушить «стекляшку» веранды. Звон стекла и визг Вики указали потеряшкам новое направление опасности. Наконец, сокрушив одну из рам, на веранду перевалился парень с битой. Вскочив на ноги, он перехватил свою дубинку обеими руками и тут же попал под удар конармейского клинка.

— Ы-ых! — выдохнул Тимофей, и бита вместе с тремя пальцами криминального качка полетели на пол. И одновременно с воплем раненого раздался странный звук, похожий, как показалось Вике, на стрекот бабушкиной швейной машинки. По веранде полетели оставшиеся стёкла вместе со щепками: это Фёдор, замахнувшись «колотушкой», нажал случайно на спусковой крючок. Очередь, выпущенная из ППШ, была негромкой, но разрушительной: на веранде теперь не осталось ни одного целого стекла, а все четверо нападавших, побросав бейсбольный инвентарь, на четвереньках бросились к ограде, пытаясь добраться до машины.

Рывком взявший с места джип остановился только далеко за дачным посёлком: нужно было перевязать угваздовавшего всю машину кровью, орущего благим матом порубленного Тимофеем раненого, а также по ходу отпинать заказчика-бомжа («ты нас на трещотку привёл, падла, а говорил — лохи»).

Вечером вернувшуюся из Питера Ольгу чуть инфаркт не хватил от красочно описанных Викой её и потеряшек приключений...

Сели за стол угрюмые. Ели молча. Вернувшимся из магазина Антону с Алексеем едва кивнули, указав на свободные места. Те ни о чём не спросили, по виду входной двери и веранды сразу поняв, что случилось что-то неладное (позже, когда подавала тарелки, им вкратце обо всём шёпотом рассказала Вика).

...Камин отбрасывал кровавые отблески на изрешечённую накануне Фёдором стену. Всё вроде уже было сказано... всё обговорено. Но к концу трапезы, по мере того как приправленная небольшой дозой горячительного вкусная еда насыщала тела мужчин, в некоторый порядок приходили и их умы. Жизнь вскоре показалась не такой уж мрачной и безысходной. «Всё ещё успеется, всё осмыслится и в свой срок станет на свои места», — так или примерно так думал каждый.

Ольга, немного пришедшая в себя, подмела на веранде битое

стекло и с помощью мастерового Фёдора подлатала входную дверь и раму, после чего, наконец, вспомнила о результатах своей поездки в город.

— Одноклассники мои кто где: никого не найдёшь! А Игорь, хохмач наш классный, меня засмеял: «Ты что, мать, на колёса подсела?! Какие мужики от Ивана Грозного тебе снятся?! Лёнька Герштейн из параллельного класса у нас теперь в платной клинике на Каменном острове — самый модный мозгоправ. Хочешь, устрою по благу?» Только у Сашки Завьялова, моего однокурсника по журфаку (самого дома не было), отец очень внимательно меня выслушал и даже ни разу не улыбнулся! У меня такое впечатление было, что для него всё это не новость, будто я только своим рассказом что-то дополняю... Я, честно говоря, даже решила — может, психиатр?! Так прямо его и спросила! А он только усмехнулся, чаю мне предложил и говорит: «Да мне на Литейном за двадцать с лишним лет службы с разными людьми приходилось встречаться. Ты, Оля, не беспокойся, у тебя не психиатрия, а бесценное сокровище! Хорошо, что я ещё дела не все сдал, а уехал бы уже в Москву на новую должность, — мой Сашка тебя бы точно в психушку устроил!» Тут я сообразила, почему Сашка всегда отшучивался, что отец у него «просто милиционер», — на Литейном у нас всегда КГБ был!

Антон присвистнул:

— Во попали! Лёшка, в твоём ППП патроны остались? Опять отбиваться придётся! Да и вряд ли сумеем, пятки нужно смазывать!

Алексей непонимающе нахмурился и беспокойно перевёл взгляд с Ольги на младшего потеряшку:

— Опять божжи?

— Хуже! Чекисты!

Ольга досадливо хлопнула себя по коленке:

— Не надо ни от кого отбиваться, оболтусы! Он меня попросил с вами вместе завтра к нему домой подъехать!

Антон нервно хохотнул:

— Самим подъехать?! В Сибирь по своей воле?! Ну, сатрапы, обнаглели: в 37-м хоть «чёрный ворон» за людьми приезжал!

Фёдор, мало что понимавший в этом разговоре, спросил:

— Это что за сатрапы на чёрной вороне?

— Опричники, по-вашему! — ошарашил его в ответ Антон.

— Вона как! — охнул крестьянин, вспоминая что-то лихое из своей жизни.

Тут Ольга по-настоящему рассердилась:

— Болван ты, Антоша, даром что с неоконченным высшим! Если бы «конторе» нужно было нас повязать, они бы раньше меня здесь были! Посмотреть на вас всех он хочет... и просто поговорить... У нас, кстати, президент страны из этих самых «опричников», нас только при нём в мире и заужавали!

На это Антон, впрочем, согласно хмыкнул, спросив с надеждой Ольгу:

— А может, пусть лучше твой «внимательный слушатель» в Москву едет, нас не дождавшись (мало ли какие у нас дела)?

— Ну, если учесть, что он туда едет на должность заместителя директора Лубянки, то встречу с тобой он всё равно устроит!

Утром, чуть свет, Ольга наварила потеряшкам овсяной каши, на что Антон патетически заметил: «Овсянка, сэр-р-р!» Впрочем, все съели кашу с удовольствием и, наскоро похлебав разбавленного чая со вчерашней заваркой, стали собираться на встречу с загадочным «опричником». Алексеев ППШ, гранаты и Тимофееву саблю, равно как и Фёдоров топор, несмотря на слабые протесты их хозяев, было решено временно прикопать в сарае: «Если что пойдёт не так, оружие не поможет, а срок добавит!»

С большим трудом разместились в машине (как известно, «опель» — это не советский «запорожец», куда при желании можно было втиснуть десяток студентов). Сели примерно в том же порядке, как на пути в Отрадное, лишь добавившаяся к прежним пассажирам Вика разместилась во втором ярусе — на коленях у Антона. Оставлять её на даче после вчерашнего набега братвы не решились; хотя в его повторение и не верили, но мало

ли что. Фёдора предусмотрительно усадили у окна, предварительно опустив стекло. Однако опасения насчёт его морской болезни оказались напрасными: сколковский староста с интересом таращился на мир Божий, приветствуя водителей обгоняемых машин энергичными кивками. Те на всякий случай притормаживали и предпочитали следовать за «опелем» на дистанции.

— В роли Ваньки-Каина ты, Фёдор, имел бы оглушительный успех! — хохотал Антон.

На въезде в Питер два раза попали в пробку: жители области собирались каждый на свою работу в северной столице. «Опель» долго петлял по улицам, пропуская то стайки пешеходов, то мелодично звенящие вагончики трамваев, пока, наконец, через площадь у Исаакия не вынырнул в «спокойные воды» — глубокий коридор подворотни на улице Гоголя. Не выходя из машины, устроили маленькое совещание. Потеряшки, охваченные чувством возможной опасности, говорили шёпотом. Поддавшись общему настроению, на шёпот перешли и Ольга с Викторией.

— Ну, давайте прощаться, братцы, встретимся на Кольме... — ёрничал Антон. — Кто первый до зоны доберётся, держи места на нарах для остальных!

Алексей с Тимофеем, не знакомые с советской репрессивной практикой в духе солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича», лишь молча ёжились,

обуреваемые нехорошими предчувствиями. Только Фёдор исто-во крестился и бормотал молитвы, вспоминая виденный пять минут назад Исаакиевский собор.

— Хватит трепаться, Антон! — шёпотом цыкнула на парня Ольга. — Так, значит, сначала говорю я — всё как было — о том, как вы все появились в поезде (хотя вкратце речь об этом уже заходила). А потом, наверное, каждый расскажет о себе. Ну а после — как пойдёт...

— Ну, или кто зайдёт, — снова не удержался от чёрного юмора Антон. — С наручниками...

Вика, сидящая у него на коленях, досадливо сморщила носик и слегка двинула парня по затылку.

Старый питерский дом лифтом оборудован не был, да и подняться на третий этаж труда не составило. Дверь открыл Завьялов-младший, Сашка, бывший Ольгин однокурсни-к, а ныне литсотрудник «Невских новостей». Скинули в прихожей шинели-полушубки и прошли в просторную гостиную с большим массивным столом в обрамлении гарнитура из дюжины полукресел.

«Просто Ильф и Петров!» — хмыкнул про себя лабух.

Старший Завьялов, в штанах от спортивного костюма и простой клетчатой рубашке, вошёл в гостиную и, слегка кивнув гостям, представился:

— Павел Андреевич... Прошу, присаживайтесь.

Представились и гости. Хозяин квартиры сам сел во главе стола, указав остальным на стулья по обе его стороны. Все молча сели, прокашлялись и уставились на хозяина. Ольга было открыла рот, дабы произнести вступительную речь-характеристику, но тут с кухни выглянул Завьялов-младший:

— Оля, помоги с чайниками!

Женщина, обрадовавшись неожиданной паузе, вместе с Викой бросилась расставлять чайную посуду, корзиночки с пряниками и блюдо с щедро, горькой, нарезанным сыром. Потеряшки заметно повеселели.

— Поди, выехали рано, не позавтракали? — хозяин жестом предложил угощаться и неожиданно для всех перекрестил накрытый стол и себя.

Фёдор с видимым удовольствием последовал его примеру.

— Ну что вы! Наша хозяйка каши наварила! — вступился за Ольгу Тимофей.

— Тогда будем считать, что это второй завтрак! — весело откликнулся Павел Андреевич.

Согласованный потеряшками сценарий был неисправимо скомкан чаепитием.

— А вы что же, боярин, не на службе сегодня? Али в отпусках? — неожиданно брякнул прихлёбывавший из блюдца чай сколковский староста.

Остальные гости напряглись, ожидая ответа хозяина.

— Да у меня, Фёдор, служба никогда не кончается — ни днём ни ночью! Можно сказать, я и сейчас на службе, — улыбаясь, ответил тот.

— Это в каком же приказе изволите служить? В какой должности? — простодушно выспрашивал размякший от дружеского чаепития Фёдор.

Все при этом его вопросе снова напряглись и, отставив чашки, устали в стол.

— Честно говоря, не знаю, как такой приказ в твои времена назывался... Наверное, тайный? Я там... главный боярин!

Антон при этих словах поперхнулся и закашлялся, Алексей с Тимофеем стали с ещё большим вниманием рассматривать узоры на скатерти.

— Она как! — Фёдор поставил блюдце на стол и с уважением взглянул на хозяина дома.

Павел Андреевич усмехнулся, заметив смущение гостей, и добавил:

— Однако интерес у меня к вам скорее не профессиональный, а академический, научный. Как Оля мне рассказала, все вы люди русские, но из разных времён. И все собрались неожиданно в одно и то же время в одном месте. Что тому причиной?

— Думаю, воля Божья! — неожиданно отозвался Фёдор, почувствовав доброжелательность и искренний интерес «главного боярина».

— И я так думаю.

Все, кроме Фёдора, с интересом воззрились на гостеприимного хозяина.

— Не зря мы все здесь собрались! Ведь каждый из нас из лихой години вынырнул... Я тут посмотрел вокруг: время для России нынче сызнова тяжёлое, — сбивчиво продолжил беседу мелентьевский, — неверие кругом, бесовщина, церкви пустые! И всё это при мирной и сытой жизни! Уж не последние ли времена наступили?!

Павел Андреевич серьёзно и внимательно посмотрел на Фёдора, кивнул и, встав со своего места, подошёл к книжному стеллажу. Вынул толстую книгу в зелёном переплёте (гости без труда прочли тиснённое золотом название на корешке — «Библия»).

— Ну, давай, Фёдор, взглядом, как эти последние времена выглядят у апостола Иоанна.

С этими словами Павел Андреевич, достав из бокового кармана рубашки очки, взялся листать Священное Писание в поисках Откровения Иоанна Богослова.

— Да не трудись, боярин, — остановил его церковный староста. — Я Откровение наизусть помню!

Однако Павел Андреевич улыбнулся и, покачав головой, продолжил поиск нужной страницы:

— Ты, уважаемый, его на церковнославянском знаешь, и для

меня много непонятного будет в нашем разговоре!

Следующие полчаса прошли в оживлённой дискуссии двух православных мужей, разделённых четырьмя веками истории. К ним время от времени подключались и остальные присутствовавшие, не столь сведущие в Священном Писании. Особо жаркую дискуссию вызвал восьмой стих Откровения о четвёртом всаднике на «коне блед».

— Всадник на этом коне умерщвляет «мечем и голодом», а помимо этого «мором и зверями земными!» — горячился Фёдор. — У вас каждый третий в наморднике ходит; лекари с ног сбились народ лечить от заразы под именем «ковид», а ты, боярин, твердишь, что это не последние времена! А войны кругом?! Где сейчас русские люди только не воюют! Даже на земле арамейской, в Самарии!

— Тут, Фёдор, не всё совпадает: где умерщвление зверями земными? — съязвил Антон.

— А собаки бродячие? — вступила в спор Вика. — По телику недавно сообщили, что они в Калуге мальчишку загрызли!

Взрослые заулыбались, а Фёдор рассудительно поправил:

— Собака, дочка, это всё же животное домашняя, а не зверь. Вот коли бы волк или медведь...

После того как спорщики пришли к зыбкому согласию, что последние времена ещё впереди, решено было продолжить дискуссию после нового чаепития.

Время наступало обеденное, и хозяин предложил закуски более основательные, чем сыр и пряники: на столе появились ветчина, колбасы и домашний холодец. Минуту подумав, Павел Андреевич вынул из старого, с резными дверцами, буфета несколько рюмок и бутылку коньяка...

Дискуссия о последних временах становилась всё оживлённее и, наконец, перетекла к единственному вопросу: месту России в мире, катящемся в тартарары.

Пессимистичнее других был настроен Антон:

— Коль предсказан приход Антихриста и его власть над всем миром, то и дёргаться нечего! Ведь затем Второе Пришествие всё равно будет!

— А если, как вы говорите, Антихрист под себя всё подгребёт, откуда возьмутся праведники, что спасутся?! — вдруг задался вопросом Тимофей. — Это мы с Алексеем можем в тайгу глухую уйти, да и охоться, пока всё не кончится: слава Богу, у меня пашка, у него автомат... А что Антон и девчонки будут делать?!

При упоминании об автомате в глазах Павла Андреевича промелькнул профессиональный интерес, однако основная тема была сейчас неизмеримо важнее прояснения этого вопроса, и он не стал на него отвлекаться.

— Да в том-то и дело, Тимоха, — повернулся к нему Фёдор, — что если к приходу Антихриста будет в наличии государство, населённое православными и с

православным же царём-ампиратором, наследником царства Римского — Византии, то будут это не только праведники, по тайге и горам попрятавшиеся, словно светлячки в ночи, а миллионы душ! Ведь Русь — это третий Рим! Она должна удержать зло от его торжества на земле. Именно она выстояла и выстоит в любых испытаниях!

Тут бородатый крестьянин осёкся и удивлённо посмотрел на окружающих:

— Мы ведь все здесь из последних для Руси времён, каждый из своей смуты, когда первые чины в государстве людей предавали за золото и русский народ погибал, казалось бы, безвозвратно! Ан нет, он каждый раз выстаивал, и страна возрождалась! Как и сейчас...

Павел Андреевич весь напрыгся и подался вперёд:

— Ты, Фёдор, сейчас важную вещь сказал: Россия должна удержать зло для спасения праведников! И думаю, что не только в самой России, но всех тех, кто к ней в этой духовной битве присоединится! Россия — это тот самый Катехон, который удерживает мир от торжества зла даже после прихода Антихриста! Именно так! Эта роль перешла к Руси после падения Константинополя, когда турки по попустительству католиков Европы прикончили Византию...

— Ну, вначале на Русь от Византии перешёл двуглавый орёл! — решил блеснуть исторической эрудицией Антон.

— Византийский орёл, привезённый Софией Палеолог, был, скорее, видимым, материальным символом империи, поэтому головы орла смотрят на Запад и Восток земли, — возразил ему «главный боярин», — а вот идея Катехона вызрела позже, уже на Руси. И заметьте, это не просто вопрос политической преемственности от одного государства к другому, а развитие Откровения апостола Павла, высказанного им во Втором послании к фессалоникийцам!

Фёдор при упоминании о послании одобрительно закивал и даже прочёл на церковнославянском седьмой стих из второй главы. Мало что понявшие потеряшки с одобрением на него посмотрели.

— Думаю, даром все эти события произошли на Руси в столь короткий срок: от Василия III до Ивана Грозного, его и Софьи Палеолог внука, — продолжил Павел Андреевич. — В этот период Руси как бы передалась энергия погибшей Византии, страна и народ впервые ощутили себя державой!

— Вот как раз в этот момент наши бояре Мамону и вспомнили, — вздохнул Фёдор. — Силён нечистый, решил не дать подняться Руси...

— Не журишь, Фёдор! — хлопнул его по плечу Антон. — Минин с Пожарским, наверное, уже к Москве двинулись!

— Это ещё кто такие? — воззрился на него удивлённый крестьянин.

— Ах да, ты ещё до этого времени не дожил! — понял Антон. — Но, думаю, осталось недолго, они вот-вот подойдут с народной ратью с Нижнего Новгорода и выгонят поляков с прочей нечистью с Руси!

— Дай-то Бог! — с надеждой в голосе произнес Фёдор. — А ты откуда знаешь-то? Ах, да...

Все за столом озабавались: «Держись, Федя, наши на подходе!»

...За столом окончательно воцарилась более чем дружеская атмосфера: все были захвачены одними и теми же мыслями, желали одного и того же. Хозяин дома словно в росте прибавил: плечи развёрнуты, движения быстры и точны, голос решительный и громкий. На столе рядом с ним, кроме Библии, уже целая стопка книг по истории, апологетике, философии. Он как будто зарядился энергией от этой долгой дискуссии с русскими людьми из разных времён, вобрав их видение пережитых ситуаций и событий, дополненных гигантской информацией, которой обладал сам по роду службы. Перед ним словно открылось новое окно в мир! Он понял, что такой опыт бесценен для всей его дальнейшей жизни.

Прощались уже затемно, энергично тряся руку хозяйну и сыну, обнимаясь и говоря массу каких-то дежурных слов. Потом Завьяловы вышли проводить потеряшек к машине и долго-долго... уже после того, как

та скрылась в тёмном коридоре подворотни... стояли в пасмурной осенней ночи.

На обратном пути жаркая дискуссия в «опеле» продолжалась: Фёдор с новой силой обличал мелькавшую за окном современность в тотальном грехопадении; Алексей всё пытался выяснить у Антона и Ольги перипетии Великой Отечественной после 1942-го, но по слабости знания истории те сильно путались в показаниях; Антон, в свою очередь, пытался узнать у Ольги с Викой подробности новой жизни России при «проклятом капитализме»; и только Тимофей молчал, обдумывая услышанные от Павла Андреевича подробности дальнейшей судьбы уважаемого им Льва Давыдовича Троцкого («предатель дела революции?!», «убит в Мексике ледорубом?!»). В общем, доехали хорошо, благо гаишники ночью, в холод с дождём, на дороге не встречались.

Дома Антон и Алексей с Викторией уткнулись в розовый планшет девочки, знакомясь с жизнью необъятного мира, а Тимофей с Фёдором начали скучать. Красноармеец предложил перебраться в картишки, но облом: Фёдор в карты не играл, хотя, по его словам, и слышал об этом бесовском развлечении. Обозвав собрата по несчастью мракобесом, Тимофей ещё немного помотался по дому и начал донимать Вику включить телевизор. Та оторвалась от своих занятий

с младшими потеряшками (к большому их недовольству) и попыталась что-то поймать, однако большинство каналов рябило и дёргалось, исправно плясали и пели фальцетом только полуголые индианки в сари и их бровастые упитанные кавалеры. Однако когда круглая индианка с голым пупком взялась молиться перед статуей многорукого Шивы, Фёдор снова вспомнил бесов и начал плевать на телевизор, крестя его беспощадно. С этого момента зарябила и индийская развлекуха! Тимофей, уже вжившийся в семейную ситуацию на экзотическом субконтиненте, заорал на товарища далеко не благим матом, уличая того не только в мракобесии, но и в контрреволюции! Бородатый мужик ещё раз в сердцах плюнул и ушёл на крыльцо.

Однако делать было нечего, телевечер был загублен, и Тимофей тоже вышел покурить. Там потеряшки ещё немного поворчали друг на друга (причиной было уже другое «бесовское» занятие — курение) и снова начали мучиться от безделья. Наконец, помирившись и повздыхав, решили прогуляться. Тимофей, стараясь не мешать другим, заглянув в прихожую, вынес Фёдоров полушубок и свою шинельку, отговорив товарища от мысли захватить с собой топор («вдруг на полячишек наткнёмся?»), резонно возразив, что в такую глушь и грязь полякам забираться совсем незачем. Алексей и Антон, заметив сборы своих товарищей на

променад, тоже решили размяться и, накинув в прихожей кто линялую фуфайку, кто старенькую куртку, присоединились к Фёдору и Тимофею.

Мокрая от недавнего дождя земля пахла осенью — прелым листом и бурьяном. Потеряшки шли молча, вначале шеренгой, а затем, обходя лужи, перестроились в колонну по одному. Незаметно они вышли за околицу «Отрадного», на разбитый просёлок. Грязная, в колдобинах и лужах, дорога уходила дальше к невидному отсюда шоссе, петляя среди редких сосен. И что в этот момент случилось, никто из них не успел понять, только через секунду все словно растворились в воздухе, осталась лишь цепочка следов в жидкой грязи...

...Крепостной московского боярина Семёна Мелентьева, житель деревни Сколково, церковный староста Фёдор Жук шёл с вязанкой дров за спиной из леса, в потёртом тулупчике и треухе, то и дело оскальзываясь в вязкой, глинистой земле; за поясом — топор. В какой-то момент, вдруг ощутив непонятный толчок, он остановился и задумчиво почесал окладистую бороду. «Не иначе проделки нечистого... Нет, надо... надо-таки поторопиться, чтоб на вечерню успеть! А то вишь как бесовское отродье куражится!» — решил он и, перекрестившись, прибавил шаг... А в голове почему-то закрутилась мысль: «Минин и Пожарский на

подходе, конец и полякам, и самозванцам»; и ещё: «Нам бы в деревню с десяток Алексеевых колотушек». И тут же сам себе удивился: «О чём это я?!»

...Тимофей Полухин — боец Второй конной армии — наслаждался отдыхом после тридцативёрстного перехода по степи. За поясом в распахнутой шинели виднелась «бутылка» ручной гранаты. В двух шагах от костерка, что развели на привале красные кавалеристы, командир эскадрона Цимбалок распекал одного из своих подчинённых: «Нечего вылёживаться, у тебя конь не чищен!» На секунду Тимофею показалось, что он будто засыпает, он даже качнулся к костру, но сразу выпрямился, ошалело заморгал и оглядываясь по сторонам.

— Чего, Тимоха, не выспался сегодня? — поинтересовался сидящий рядом товарищ.

Тимофей что-то пробурчал в ответ, прогоняя неясные видения трамваев и блестящих, расплюснутых машин на широкой улице огромного города; лица каких-то, казалось, знакомых людей: бородатый серьёзный мужик... крепкий парень в ливной гимнастёрке при погонах (но вроде не беляк!)... красивая молодая женщина и смешливая девочка... «Чего только не увидится! Видать, и вправду не выспался».

Мотнув головой и отогнав морок, он неожиданно осознал,

что было в нём, мороке этом, и что-то важное... Что?! Ах да, какое-то вполне определённое знание, что ждут их с товарищами великие дела.

— Эх, Коля, — вдруг почувствовав какую-то бодрость и лёгкую, звенящую радость, лёгонько ткнул он в бок бойца, которому ещё минуту назад ничего вразумительного не мог ответить, — знаешь, впереди какая уйма дел?! После Деникина ещё и Врангеля в Чёрное море загнать надо, потом и до этого... Гитлера доберёмся.

— О Врангеле слышал, а этот Гилер кто? — поинтересовался озадаченный Николай.

— Да толком не знаю, но слышал, тоже контра порядочная... — сам удивился Тимофей всплывшей вдруг в памяти странной фамилии.

...Сержант 235-й стрелковой дивизии Алексей Красовский отёр мокрое от болотной жижи лицо и оглянулся на своих ребят: отделение удачно обошло немецкий фланг, и солдаты, отирая с автоматов грязь, готовы были разрядить их в серые спины фрицев, вцепившихся в пулемёт, поливающий залёгшие цепи его роты. Однако сразу скомандовать не смог: голова закружилась, и перед глазами проплыли огромный вокзал с поездом и надписями «Красная стрела», запах женских духов и девочка в странной цветастой одежде, кадры документального фильма,

где два красноармейца привязывают знамя на куполе огромного разрушенного здания...

«Ну вот... Видать, так и не отлежался после контузии. Надо бы в медсанбат к доктору всё же подойти!»

Но уже через пару секунд он забыл и о докторе, и о медсанбате. Впереди был бой. Алексей молча махнул рукой своим бойцам, упирая в плечо приклад затрясавшегося от длинной очереди ППШ...

Антон Круглов — бывший студент, бывший кочегар в рабочем общежитии в Омске, бывший матрос каботажного флота в Астрахани, бывший муж, нынешний лабух в Печатниках и беспутный сын своих родителей — был зол на весь свет из-за так и не купленного «Поморина»; придётся чистить зубы этой горько-солёной «Лесной!»

В этот момент, наступив на верхнюю ступеньку подземного перехода, он чуть не упал от какого-то толчка в спину. Резко и зло повернувшись, никого за

спиной не нашёл. Только перед глазами мелькнуло бородатое лицо, и прозвучал женский смех.

«Надо завязывать с «Солнцедаром», переходить на нормальный портвейн...»

...Ольга, обеспокоенная долгим отсутствием мужчин, часа через полтора разыскала фонарик и, стараясь не разбудить Вику, вышла в темноту дачного двора («Заблудились, что ли?»).

Стояла, вглядываясь в ночь со всё возрастающим беспокойством, пока не замёрзла. Светила в сторону дороги фонариком, даже окликнула ушедших по именам пару раз — всё бесполезно. И вдруг, словно вспышка в мозгу, пришла уверенность, что она их больше не увидит: не потому, что они ушли далеко, а потому, что они... вернулись к себе, каждый в своё время! Каждый из этих простых людей, рядовых воинов Катехона — многовековой исторической России — вернулся к себе, в своё время, на своё место, туда, где он был нужен Родине в этот момент!